

РОСТЁР

ноябрь

1956

**ГРОМОМ СВОИХ ПУШЕК
КРЕЙСЕР „АВРОРА”
25 ОКТЯБРЯ «7 НОЯБРЯ» 1917 ГОДА
ВОЗВЕСТИЛ ЭРУ
ВЕЛИКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

ВОСТЁР

5

НОЯБРЬ ★ 1956

Ежемесячный детский журнал

Ц К В Л К С М И С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Цырен Бадмаев

Давно всё это было,
А помню хорошо,
Как я, дрожа от страха,
Впервые в школу шел.
За парту, в дальний угол,
Уселся и сижу.
Перо в ручонке смуглой
Наоборот держу.
А тут еще с вопросом
Учитель на беду:
«Скажи, в каком изволил
Родиться ты году?!»
Спросил я мать об этом,
Но — позабыла мать...
И сам свой день рождения
Решил я отыскать!

Об этом мама прежде
Рассказывала так:
«Мы жили в юрте дымной,
Отец твой был батрак.
Ох, трудно, трудно жили —
Пятнадцать душ семья.
Но все ж тебе, сыночек,
Обрадовалась я.

В то время из России
К нам солнышко пришло...»
В хороший год родился,
Мне просто повезло!
Точней такой приметы,
Я понял, не найду.
Так значит я родился
В семнадцатом году!

Ведь я слышал вдобавок
От матери не раз,
«Был ветер очень сильный
Тогда в степи у нас.
Как дикий иноходец,
Шумел он на дворе».
Я понял, что, наверно,
То было в ноябре!
Осталось только день мне
Найти, когда бы мог
На свет явиться бедный
Бурятский паренек...
С тех пор я отвечаю,
Ребята, — и не зря! —
Что я на свет родился
Седьмого ноября!

Государственное Издательство
Детской литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1956

ЗАЛП «АВРОРЫ»

Дорогие ребята!

Гляжу я на снимки «Авроры» в этом праздничном номере вашего журнала — и любуюсь: какой он красавец, этот старый трехтрубный корабль! Как моряк говорю, как матрос с «Авроры»...

Все на крейсере напоминает мне в событиях Октября: и боевой пост под фок-мачтой, и шестидюймовое орудие на баке, и машинное отделение...

Стальные плиты ограждали это отделение от внешнего мира. Мы, кочегары и машинисты, работали в глубине корабля, в самом пекле.

Пришел я на «Аврору» из Нерехты, поселка текстильщиков — людей, в ту пору уже проникнутых революционным духом. А здесь, в Питере, рабочие Обуховского завода давали мне подпольные листовки. С какой жадностью читали их наши матросы в кубриках!

«Аврора» после трехлетнего плавания в боевом дозоре стояла тогда на ремонте. В феврале 1917 года в Питере вспыхнула забастовка. В столице назревала революция.

26 февраля на борт «Авроры» конвой доставил трех арестованных солдат. Их посадили в карцер. Мы, машинисты, решили освободить их. Составили план: вечером, когда команду соберут на молитву, наш электрик выключит свет, а мы выручим арестованных.

Но в этот вечер команда не была собрана на молитву. Офицеры прошли на ют. Конвой повел арестованных мимо них к трапу. Мы, не вытерпев, с криком бросились к арестованным. Офицеры выхватили револьверы — и стрелять. Один товарищ свалился замертво, я еле укрылся за бревном на палубе. Третьего ранило в ногу.

Ну, думаем, теперь не миновать беды...

Но все повернулось иначе. Поутру выступили революционные рабочие. И вот мы, моряки, с пулеметами уже мчимся на грузовиках в город арестовывать городских. Хорошей школой революции были для нас эти февральские дни!

Пришло к власти Временное правительство. Министры-капиталисты пытались избавиться от ненавистой им «Авроры». Приказали нам 22 октября выйти в открытое море, опробовать машины после ремонта, а затем следовать в Або.

Подальше от Питера? Как бы не так! Центробалт, руководимый большевиками, отдал другое распоряжение: «Пробу машин произвести 25 октября».

Меня и матроса Лукичева вызвали в Смольный. Встретил нас товарищ с бородкой, в черной кожаной тужурке. Оказалось, это Свердлов. Распросив о настроениях матросов на корабле, он вынул из ящика стола белый бланк. Заполнил его и вручил мне:

— Объявите команде, что вы назначены комиссаром крейсера «Аврора».

На другой день вся команда собралась на бывшей церковной палубе. Надо было привести «Аврору» в боевую готовность. Командир корабля попытался этому помешать, но белый листок, подписанный Свердловым, уже пошел по рукам.

— Действуй, комиссар! — требовала команда. — Выступать надо!

В тот же день из Кронштадта пришли буксирные катеры с баржей, груженной снарядами. На охрану «Авроры» были поставлены усиленные караулы.

Вечером из Смольного мы получили новый приказ — восстановить движение по Николаевскому мосту, разведенному юнкерами. Нужно было подвести «Аврору» к мосту, чтобы заставить соединить пролеты.

— Это невозможно, — сказал командир. — Мы посадим корабль на мель!

Промерить фарватер ручным лотом вызвался старшина рулевых Сергей Захаров.

Он повесил на грудь аккумуляторный фонарик, спустился в шлюпку. Шлюпка отвалила от крейсера и исчезла во тьме. Шумел дождь. В борт била волна. Захаров долго не возвращался. Наконец, он поднялся по трапу.

Промеры показали, что глубина достаточная.

Мы выполнили боевую задачу. Пролеты моста сомкнулись, и тотчас же с Васильевского острова хлынули в центр города вооруженные революционные отряды. Утром корабль, пришедший из Кронштадта, высадили десант. К нему присоединился и наш отряд моряков под командой трюмного машиниста Неволлина.

Позже к «Авроре» подошла шлюпка с представителем Военно-Революционного Комитета Антоновым-Овсеенко. Он сказал:

— В девять часов вечера Временное правительство должно сдать. Если оно откажется, со стороны Петропавловской крепости будет поднят красный фонарь, а вы давайте тогда выстрел. Для начала — холостой. Он будет призывом к штурму Зимнего дворца. Если понадобится боевой выстрел, с Петропавловки пустят белую ракету.

Я поднялся вместе с членами судового комитета на боевой пост. От Зимнего дворца доносилась пулеметная стрельба. Девять часов — Петропавловка молчит. Тридцать пять минут десятого — сигнала нет. Наконец, в темном небе вспыхнул красный свет. Даю команду:

— Носовое... по Зимнему огонь!

Над Невой прокатился грохот. С берега донеслось далекое «ура».

Потом у Зимнего все стихло. Лишь изредка в ночной тишине слышались одиночные выстрелы. Я нетерпеливо расхаживал на посту. У орудия застыл расчет, готовый ударить по Зимнему боевым снарядом.

А. Бельшев в 1917 г.

— Эй, на «Авроре!» — послышался вдруг с бережной голос связаного. — Эй, на «Авроре», не стрелять больше! Временным — крышка! Зимний наш!

* * *

Много невиской воды утекло с тех пор. Новый мир создан людьми, штурмовавшими Зимний дворец. Неузнаваемо изменилась и моя жизнь. Я окончил Промакадемию, работаю главным механиком ремонтного завода «Ленэнерго».

Наша «Аврора», наша старая трехтрубная «Аврора» стоит сейчас на вечных якорях возле Нахимовского училища. На ее борту обучаются наши внучата-нахимовцы.

Дорогие ребята! У «Авроры» много друзей. Приезжают в Ленинград повидать легендарный корабль — ту самую «Аврору», что громом своего орудия возвестила начало новой эры человечества, — и советские люди, и люди разных стран мира.

Бывший комиссар «Авроры»
А. Бельмиев

ПРОГУЛКА

Л. Квитко

Случилось это в солнечный
Сияющий денек:
Смотреть электростанцию
Повел нас паренек.
Хотелось нам воочию
Скорее повидать,
Как может электричество
Вода речная дать.
Сначала шли мы тропочкой,
Она нас привела
К большому полю клевера
В сторонке от села.
Такой травы не видели
Мы раньше никогда...
Парнишка вел, но всё-таки
Привел нас не туда.
Мы вышли на колхозное
Широкое гумно,
Где веялки работали —
Веяли зерно.
Им тоже эта станция
Энергию дает!

Нам очень тут понравилось,
Но паренек не ждет.
Ведет через кустарники,
Петляет иногда,
Ведет, ведет и всё-таки
Приводит не туда.
Пришли мы к водокачке —
Красуется — стоит.
Своей водой прохладною
Она сады поит.
И ей электростанция
Энергию дает...
Нам очень тут понравилось,
Но паренек не ждет.
Ведет, ведет... И всё-таки
Мы, наконец, пришли.
Налюбоваться досыта
Плотиной не могли!
Глядели долго с мостика,
Глядели с бережка,
Благодарили нового
Хорошего дружка.

Перевод Е. Благиной.

ФАРФОРОВАЯ ВАЗА

К рисунку на обложке

Взглянув на обложку, вы открыли журнал. Но все ли интересное рассмотрели на обложке? Посмотрите еще раз... Вазу разрисовывают художник и художница. Ваза большая, праздничная. На ней портрет Владимира Ильича Ленина. Установят эту вазу в каком-нибудь клубе, в музее или на выставке, чтобы тысячи и тысячи людей могли ею любоваться.

Расписывают вазу двое. Двое других разрисовывают мелкие фигурки...

Что можно еще сказать про рисунок на обложке?

Прочитайте дальше — и вы увидите на обложке многое, чего и не заметили.

Рисунок сделал художник В. А. Юсипенко. Ему самому приходилось работать на фарфоровом заводе, а работа фарфориста своеобразная — с ней стоит познакомиться.

Художник-фарфорист постоянно воюет против маленького, но упрямого войска. Его противник — краски. Многие краски не переносят жаркого огня — но без огня не удержишь рисунок на фарфоре. Вот и идет война. Краски обманывают художника, подводят его, — особенно если художник молодой, неопытный: рисовал на фарфоре весну, а из печи возвращается осень; рисовал коня как коня, а он в печи позеленел или сделался желтым, как канарейка... Иные краски не только с художником — между собой воюют! Взять «селен» — красную краску: «селен» хорош только в чистом виде, а как попадет в смесь — рисунок испорчен.

Многие краски на огне сгорают и превращаются в пепел. Такие для фарфора не годятся. Краски для фарфора готовят из металлов. Окислы железа дают красную, коричневую, желтую; хром — зеленую, кобальт — синюю, марганец — фиолетовую. Особенно красива красная — пурпур. Ее готовят из чистого золота; один мазок пурпуром — и на фарфоре пылает революционное красное знамя.

У художника-фарфориста кисточки нежные, из беличьих волосков. Палитра стеклянная. На столе пакетики, обозначенные номерами. Из этих пакетиков он насыпает на палитру кучки порошка. Потом капает скипидаром и замешивает краски.

Рисовать можно по «утилю», а можно по «белью».

Представьте, что на фарфоровом заводе только что отлита ваза. Для этого была приготовлена фарфоровая масса, состоящая из белой глины с различными добавками. Ваза еще сырая, непрочная. Чтобы превратить ее в твердый и звонкий фарфор — нужно обжечь ее в печи. Поверхность у обожженного фарфора матовая и даже чуть пористая. В таком виде он напоминает бисквит.

Если фарфор обжечь не до конца, «полуобжечь» — получится «утиль».

Художник может сделать рисунок по «утилю». После этого «утилю» необходима ванна. Его окунают в глазурь и опять сажают в печь. На этот раз из печи выходит уже не «утиль» и не бисквит, а фарфор с блестящей поверхностью. Он заблестел от глазури, которая покрыла и рисунок. Иначе сказать, рисунок под глазурью. Это — «подглазурная живопись».

Но можно поступить наоборот: не рисовать по «утилю», а сперва выкупать его в глазури — и в печь. Из печи выйдет белый глянцевый фарфор — «белье»; его и дают на разрисовку. «Фарфоровое белье» видел каждый, даже ел-пил из него: это чисто-белая тарелка, блюдо, чашка.

Какой же способ живописи лучше: подглазурный или надглазурный, «по белью»? Дело вкуса и умения. Но палитра у подглазурного художника бедна, красок мало, рисовать ему труднее... Почему же он не добавит себе красок? А нечего добавит. Ведь «утиль» после глазурной ванны попадает в очень жаркую печь: температура 1500°, фарфор сам начинает светиться как пламя — и только тут происходит соединение глазури с «бисквитом». Но как-то краскам под глазурью! Они тоже раскаляются добела, и большинство красок, даже металлических, не выдерживает такого испытания. Оттого и бедна палитра для подглазурной живописи.

Фарфористы предпочитают рисовать по «белью». «Белье» с рисунком тоже надо сажать в печь — чтобы в составе красок расплавился флюс и припаял бы их к глазурованной поверхности фарфора. Но тут в печи достаточно и 800°, а такую температуру фарфоровые краски переносят.

На нашей обложке как раз изображена работа по «белью».

Однако, что это делает художник? Уж не замывает ли он золото коричневой краской? Нет, на слой золота он кладет второй. «Сырое» золото выглядит непривлекательно.

Ваза уже была в обжиге, теперь надо кое-что на рисунке подправить, затем повторить обжиг. Золотой венчик после этого станет ровнее, но из огня выйдет туманным, матовым. Это красиво. Но будет еще красивее, когда художник вместо кисти возьмет агатовый карандаш и прочертит на матовой поверхности блестящие линии и узоры...

В СССР несколько фарфоровых заводов. Старейший из них — в Ленинграде. Это завод имени М. В. Ломоносова, основанный в 1744 году.

Фарфор — старинное китайское изделие. Торговые караваны постепенно распространили его по всему миру. Изящные белые чашечки, тарелки, фигурки для украшений и забав приводили всех в восхищение. Но никому не удавалось узнать, как всё это делается, — выпытать «китайский секрет».

В различных государствах пробовали сами составлять фарфоровую массу и постепенно добились успеха: во Франции появился известный севрский фарфор, в Германии — мейсенский. В России фарфор создал Д. И. Виноградов, друг Ломоносова. Русский фарфор снискал себе славу и на родине, и за рубежом.

Лучшие образцы изделий завода имени Ломоносова хранятся в музеях. Так, в Эрмитаже можно видеть знаменитую вазу «Россия», изготовленную в ознаменование победы над Наполеоном. Мимо нее не пройти, она заставляет каждого остановиться, так она прекрасна. Высота вазы 2,2 метра — самое крупное в мире изделие из фарфора. В Китае была в старину фарфоровая башня высотой в 80 метров; она разрушена около ста лет назад при подавлении народного восстания.

Славу русского фарфора приумножают советские мастера. Еще в первые годы советской власти наши фарфористы показали свои новые изделия на выставках за границей. Всюду их награждали медалями, а в Париже писали: «Русская революция нашла первое и лучшее отражение в искусстве фарфора!»

В этом номере журнала на последней странице обложки вы можете познакомиться с некоторыми изделиями завода имени М. В. Ломоносова.

ОКТАБРЬСКОЙ НОЧЬЮ

Б. Метлицкий

Рисунки Т. Ксенофонтова

Андрейка сердит, очень сердит. На противную слякотную погоду, на резкий пронизывающий ветер, от которого не спасает ветхая шубенка. На грязь и лужи — разгляди-ка их в потемках! — но больше всего сердит на отца. Подумать только: на такое дело пошел, а его, Андрейку, не взял!

Отец работает в ночной смене, и каждую ночь Андрейка носит ему обед в измятом солдатском котелке. Дорога не близкая — на Литейный проспект, к Старому Арсеналу. Всё бы ничего, но время беспокойное. Юнкера по городу рышут. Кого-кого, а Андрейки им не схватить. Не маленький — зря в драку не сунется. Вот вчера пьяный офицер бил окна в соседнем доме и страшно ругался. Андрейка посмотрел издали, подумал, да и махнул по задворкам! Что связываться!

Беда была в том, что сегодня отца не оказалось на месте. Когда Андрейка подошел к проходной, вахтер выпроваживал оттуда двух девчонок.

— Сказано вам, — нет вашего батьки. Ушел.

— Куда, а, дедушка? — допытывалась старшая девочка.

— Куда, куда! Раскудаhtалась среди ночи! По делам...

Тут старик заметил Андрейку.

— И ты поворачивай до дому. Егор Иванович вместе со всеми ушел. Много их сегодня ушло-то...

— Скоро они вернутся? — вмешалась девочка.

— Не знаю. Дело такое — ему срока не закажешь. Может, к утру, может, через неделю, может, и совсем...

Он спохватился, замахал руками.

— Сказано — нет — и всё тут! Марш по домам!

Девчонки — бежать. Андрейка не тронулся с места.

— А ты чего стоишь? — спросил вахтер.

— Вы... правду говорите?

— Что ж, обманывать стану? Ты будто парень с понятием, с тобой можно толковать...

Очень по душе пришлись Андрейке эти слова — «парень с понятием». С ним, как с равным, разговаривают.

— Куда пошел, знаете?

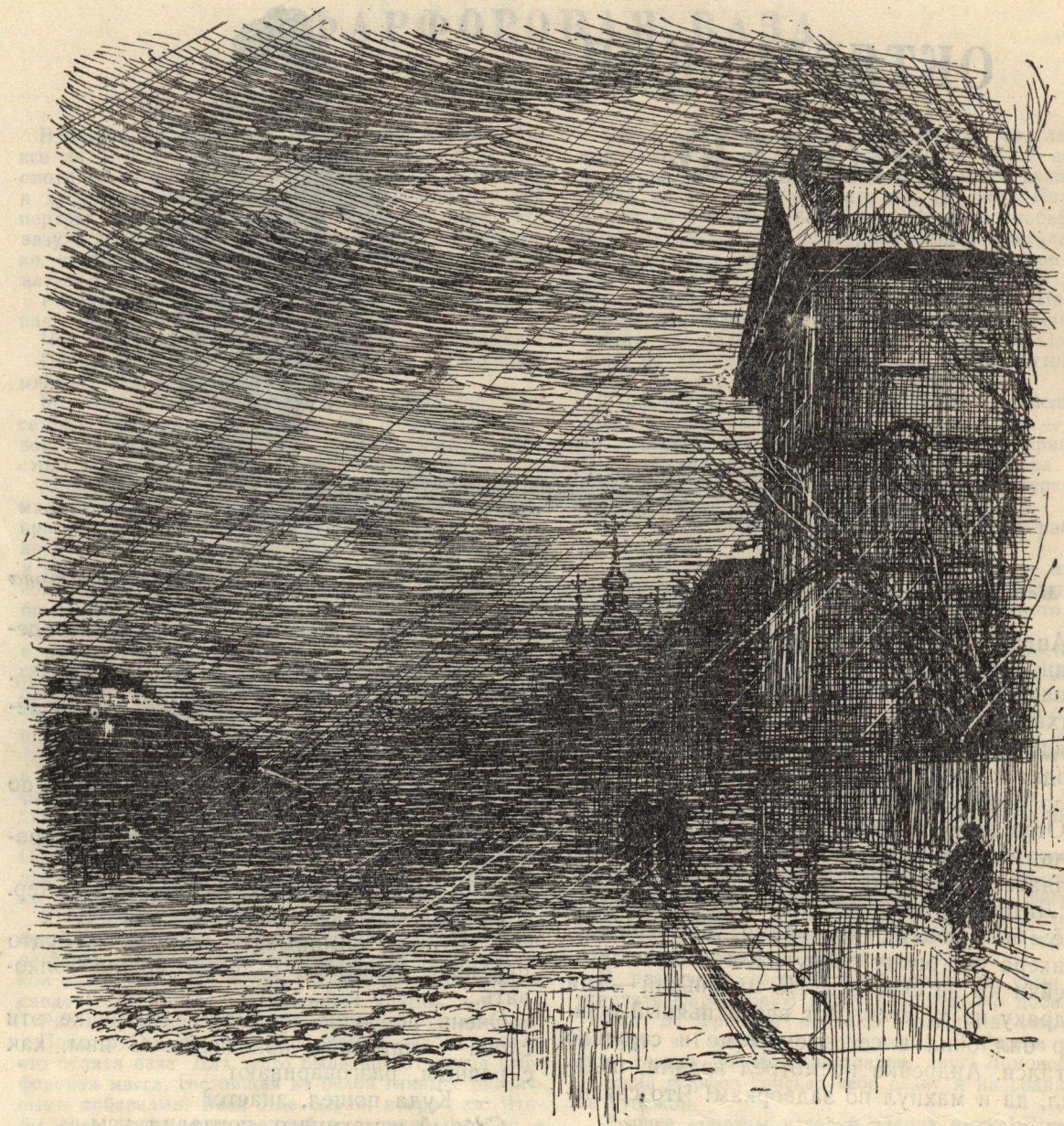
Старый усмехнулся, погладил усы.

— Ну, и дотошный... Революцию делать. Андрейка отшатнулся.

— Как революцию?! А я?

Злой брел Андрейка по Шпалерной. Темень такая, что вот-вот в луже окажешься. Хорошо еще, что в окошках кое-где свет. Он уже прошел мимо мрачного здания Кавалергардских казарм, свернул на Потемкинскую улицу. Пряно пахнуло увядшей листвой, — слева Таврический сад.

Места знакомые. И заборы, и оранжереи со всякими закоулками, и заросли кустарника. Для игры в «казаки-разбойники» раздолье!

Только какая теперь игра! Пусто на улицах, до странности пусто. От самого Литейного ни одного прохожего. «Что бы это значило? Куда они все попрятались?» Стало как-то не по себе. Андрейка прибавил шагу. Заторопился домой — там тепло, мать ждет.

Вдруг — что это? Сзади, недалеко — цокот лошадиных подков, крики: «Стой, стой, куда?!»

Андрейка метнулся к решетке сада, замер. Вспыхнул глазок карманного фонаря. На миг в его луче мелькнула оскаленная, в пене, морда лошади. «Стой!» — орал всадник,

тесня двух прохожих; те, пошатываясь, переходили улицу. Один, высокий, в кожанке, остановился. Похлопал лошадь по шее и принялся заплетающимся языком что-то длинно и путанно объяснять всаднику, поминутно повторяя «господин офицер». Другой, пониже ростом, с подвязанной щекой, плечистый, постоял недолго, потом махнул рукой, и, покачиваясь, двинулся дальше. Снова стало тихо, и Андрейка ясно услышал торопливые, осторожные шаги. Шел плечистый, с подвязанной щекой и — странно! — ничуть не качался, не петлял. Вот он заметил Андрейку. Остановился. Сунул

руки в карманы. Склонил чуть набок голову. Поглядел прищурясь, потом спросил негромко:

— Ты что, мальчик, прячешься тут среди ночи?

Андрейка молчал. «Чудной какой-то! Прикидывался пьяным, а говорит ясно, не бормочет. И не похоже, что зубы у него болят, а щека подвязана?!».

— Ты — чей? — опять спросил незнакомец. Голос у него хоть и строгий, но добрый.

Андрейка вдруг почувствовал доверие.

— Орлов, Андрей.

— Орлов! Превосходная фамилия. А в котелке у тебя что?

— Суп, — только и успел ответить...

На углу Шпалерной хлопнул выстрел. Блеснула вспышка. Незнакомец, мгновенно отпрянув к решетке, прижал к себе мальчика.

— Дяденька! — вдруг догадался Андрейка. — Это вас ищут? Да?..

— Т-с-с-с-!!

Опять зацокали подковы. Ближе, ближе! Андрейка затеребил рукав незнакомца, зашептал, захлебываясь словами:

— Я знаю, тут близко пролом в ограде. Прут вынимается... Бежим!

— Прекрасно! А суп не прольешь?

До супа ли тут. Они побежали, низко пригнувшись. Скорей! Андрейке чудится: подковы стучат совсем рядом. Он даже слышит храп коня и лязг шапки. Вдруг чья-то тень метнулась через улицу, длинная, страшная...

— Дяденька! Кто это?

— Не бойся. Это мой товарищ...

В два прыжка Андрейка подлетел к пролomu в решетке. Раз — и ржавый железный прут выдернут. Он по-кошачьи скользнул в пролом, прыгнул на мягкую, усыпанную листьями землю сада. За ним неслышно протиснулись незнакомцы. Мимо на полном скаку промчался юнкер. Андрейка отер пот со лба. Убежали!

Он уверенно повел своих спутников сквозь кусты, по закоулкам сада.

— Поаккуратней тут, под ноги глядите.

А то можно и в пруд угодить...

Под ногами чавкала грязь. Мокрые ветви сыпали брызги за шиворот. По скользкому откосу еле вскарабкались наверх. Остановились передохнуть.

— Ограда, — облегченно вздохнул Андрейка. — Тут тоже лаз есть.

Он нырнул в дыру меж прутьями решетки. Следом пролез высокий, в кожанке.

— Тихо! — сказал он, как-то странно, с нерусским выговором. «Финн, должно быть», — решил Андрейка.

Прислушались. Издалека доносился многоголосый шум толпы.

— Это у Смольного, — проговорил Андрейка. И тут только он понял, почему улицы сегодня так пусты. Народ весь там, у Смольного. И отец там...

Высокий тронул своего товарища за плечо и сказал, сдерживая волнение:

— Владимир Ильич, идемте... Пора!

Тот, кого называли этим именем, стоял неподвижно, вскинув голову, прислушиваясь к звукам с площади.

Но вот он встрепенулся.

— Пора! Идем, Эйно.

И обнял Андрейку:

— Спасибо, друг, выручил. Как бы теперь нам покороче пройти к Смольному?

— Идемте, покажу, — сказал Андрейка.

В несколько шагов они пересекли мостовую и очутились на углу Тверской.

Владимир Ильич обернулся к Андрейке:

— Кстати пришелся твой разбойничий лаз. Тебе — куда?

— Тут, недалеко...

— А суп кому несешь? Не пролил?...

— Бате... — Андрейка с грустью посмотрел в опустевший котелок. — Да нет его на работе. Революцию делать пошел.

— Очень хорошо, товарищ Орлов!

Владимир Ильич протянул руку. Андрейка ощутил крепкое дружеское рукопожатие.

— Будь здоров, Андрюша...

Высокий добавил:

— Спасибо, парень! До встречи.

И оба, шлепая по лужам, зашагали к Смольному.

Андрейка прислонился к стене дома и, вглядываясь в темноту, долго смотрел им вслед.

МОЙ ПРОВОДНИК

А. Бауза

На улице вспыхнули газовые рожки. Синими линиями заблестели трамвайные рельсы. На гладкий камень мостовой легли тонкие тени.

— В котором часу меняют патруль? — я кивнул головой в сторону окна.

— В десять, — прошептал Андриус, мой проводник. В его голосе мне послышалась нотка нервного напряжения.

— Пей, — я придвинул ему горячий кофе.

Дуя в чашку, он стал пить небольшими глотками.

Андриусу не больше четырнадцати лет. Он — невысокий, коренастый, в короткой серенькой куртке, с открытым обветренным лицом. Познакомился я с ним часа четыре тому назад в хате рыбака Тамошюса.

Андриус, старший сын рыбака, должен был помочь мне выполнить сложное партийное поручение. Нам предстояло переправиться через границу, получить тюки нелегальной литературы, которая печаталась в Тильзите, и той же ночью вернуться обратно в Литву.

— Сможет ли он? — с некоторой тревогой спросил я Тамошюса. — Ведь это опасно.

Рыбак, выбивая трубку о скамью, сказал с мягкой улыбкой:

— Не беспокойтесь. Смышленный парень. Он не хуже меня знает, чем вы занимаетесь и что ждет его в случае провала. А вот в ловкости и сметливости я ему, пожалуй, уступлю.

В сенях паренек, нахлобучив картуз с кожаным козырьком, взял из кадки несколько

Рисунки П. Луганского

огромных, извивающихся угрей, сунул их в мешок, крепко завязал его и вскинул на плечи.

— Зачем тебе угри? — любопытствовал я.

— Надо! — коротко бросил подросток.

Через Неман мы переправились удачно, никем не замеченные. Лодку спрятали в прибрежных камышах. Мешок с рыбой Андриус оставил на дне лодки. Идти за литературой в условленное место было еще рано. Мы направились в город, погуляли по чистым улицам и, усталые от долгой ходьбы, зашли в тихое портовое кафе.

Я стал расспрашивать Андриуса. Оказалось, что он уже пятый год помогает отцу рыбачить, — семья большая и живет им не очень-то легко. Перебиваются кое-как.

Я посмотрел на круглые часы, висевшие на стене за прилавком. Было ровно девять.

— Отдохнул?

— Ага, — мальчик кивнул головой.

— Ну, пойдём.

Расплатившись с хозяином, мы вышли.

По небу ползли тяжелые, набухшие тучи. За рыбацьей гаванью, где дремали баржи с высокими мачтами, мы получили тщательно завернутые в рогожу тюки с литературой, вскинули их на плечи и понесли к лодке. Было тихо. Справа, в нескольких шагах от нас, теплой сыростью дышала широкая река.

У высокого явора Андриус остановился, обождал меня, потом, пригнувшись, двинул-

ся направо, к камышам. Я последовал за пареньком. Молча уложив тюки на дно лодки, сели. Андрюс положил руки на весла.

Скрипнули уключины, лодка зашуршала в камышах.

Вдруг в напряженной тишине рывкнула трескотня мотора. Рассекая черную воду, по фарватеру быстро шел полицейский катер. Шумно захлопав крыльями, взлетела над нашей плоскодонкой встревоженная утка. Ослепительный свет прожектора скользнул по низкому берегу, блеснул в камышах.

Мы пригнулись. Луч дрогнул над нами и внезапно потух. Нас не нащупали! Стало совсем темно. Тяжелый перегар бензина растаял в воздухе. Шум мотора, казалось, уплывал вместе с водой вниз по течению.

— Ушел!.. Теперь проскочим, — сказал Андрюс, плюнул на ладони и, крепко упираясь ногами в дно лодки, уверенно взялся за весла.

Я не столько увидел, сколько почувствовал, как он задорно улыбнулся. Вообще, как только мы вышли из кафе, Андрюс преобразился. Движения его стали быстрыми, взгляд острый, разговор краткий — настоящий проводник, энергичный и опытный.

Весла с еле слышным плеском погружались в воду. Андрюс греб, как заправский рыбак: легко и как будто без всякого усилия.

— Ловко ты орудуешь веслами.

— Надо, — ответил Андрюс.

Я всматривался в приближающийся берег.

Может быть, оттого, что я долго, напряженно смотрел в темноте и глаза устали, мне показалось, что на берегу кто-то двигается. Еле видимые силуэты то нагнутся, то опять застынут.

Я не выдержал:

— Взгляни туда, не караулят ли нас?

Андрюс обернулся к берегу и несколько секунд смотрел в темноту, приложив ладони к вискам. Потом снова спокойно взялся за весла.

— Лозняк. Он покачивается на ветру, а кажется, что это люди, — пояснил Андрюс. — Эти места я знаю. Сколько раз тут переметы на угрей ставил. До полуночи никого не будет. Только вот в соседнем селе есть такой толстый вахмистр. Вот он иногда, пьяный, в неурочное время бродит.

Глаза мои уже привыкли к темноте. Я отчетливо видел очертания прибрежных кустов. Андрюс греб теперь так тихо, что было слышно только, как вода шуршит о дно лодки.

Берег уже в нескольких шагах.

Вдруг Андрюс почти беззвучно сложил весла, втянул голову в плечи, нагнулся ко мне и шепнул:

— Этот толстый черт идет!..

В каких-то двухстах метрах от нас по берегу что-то медленно двигалось. На фоне ясного неба пятно походило на ствол низкого дерева. Никогда и не подумаешь, что это человек.

Я стиснул зубы. Нарвались! У самой цели и — неудача. А товарищи в Каунасе ждут нас, ждут литературу: коммунистические газеты, журналы и листовки, те самые, что лежат на дне лодки. Я не сводил глаз с фигуры полицейского. Наверное, он заметил лодку, ускорил шаги. Андрюс тем временем подплыл к самому берегу, схватился за корень ивы, притянул лодку гибким движением тела и быстро прошептал:

— Выбрасывайте тюки прямо на берег и ползком — в самые заросли.

— А ты?

— Скорее!

Я бросил тюки, прыгнул на берег. Под ногами громко чмокнула мокрая земля. Этого, видимо, и Андрюс не предвидел. Я остановился, как вкопанный.

Андрюс кивнул, — стой мол, не двигайся, — веслом оттолкнул лодку от берега и неожиданно для меня, быстро поплыл по течению на движущийся силуэт полицейского.

— Сто-о-ой! — хриплый голос вахмистра, как раскатыстый выстрел, прорезал тишину летней ночи. Хлопнуло эхо: «о-ой!»

Захлюпали весла, заскрипели уключины.

— Опять ты со своими угрями, черт полосатый!

— Господин вахмистр, но угри-то нынче какие! О-о-о!

Зачавкали тяжелые шаги. Это вахмистр спускался к воде.

— Показывай! Ну, быстрее, быстрее! — приказал полицейский.

Я смотрел с тревогой, не в силах двинуться с места. Мои ботинки все глубже и глубже погружались в топкую землю.

Андрюс шумно шарил на дне лодки. Я хорошо видел его склоненную фигурку. Наконец, взяв громадного, извивающегося угря, поднес его к самому носу толстяка.

— Ого! Прекрасная рыба! Прекрасная. Давай мешок!

— Господин вахмистр!..

— Давай, давай, тебе говорят! — громко, но уже не сердито сказал полицейский.

Паренек подал пустой мешок. Вахмистр сунул туда рыбу.

— Неси еще!

— Господин вахмистр! — взмолился мальчик.

— Неси, черт!

Я не мог уже более наблюдать за этой сценой, — опасно. Андрюс затягивает разговор, чтобы отвлечь внимание от меня. Я быстро перенес тюки в гущу лозняка, сел на влажную траву и стал ждать.

Небо на востоке быстро светлело. Тучи поднялись выше и быстро неслись на запад. Влажный, пахнувший дождем, ветер гнул длинные ветви лозы. Где-то в кустарнике вдруг шелкнул соловей, но оборвал свою песню на первой же трели. Время тянулось медленно. Я стал нервничать.

Наконец, зашуршали ветки, послышалось прерывистое дыхание, совсем рядом возникла коренастая фигурка в большом картузе. Андрюс улыбался, карие глаза сияли. Он подошел к тюкам, вскинул один на плечи:

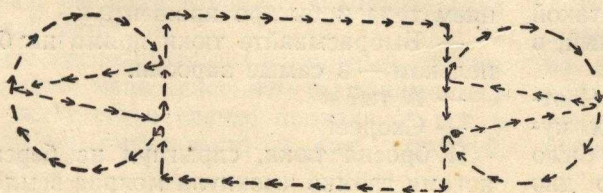
— Ну, теперь — прямо к дороге! Патруль прошел.

Мы выбрались из густого кустарника и зашагали по тропинке.

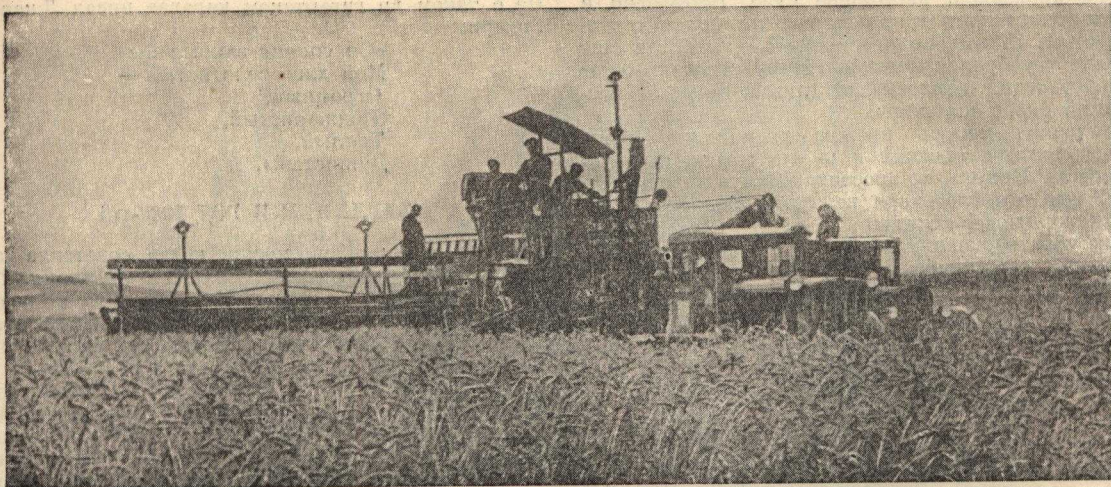
— Рыбу всю забрал? — спросил я.

— Всю. Для такого дела и не жалко!

Паренек улыбнулся лукавой и такой по-детски открытой улыбкой

Не отрывая руки, ты нарисуеть эту фигуру с любой точки по направлению стрелок. (Решение задачи, помещенной в „Костре“ № 2.)

Наше богатство — хлеб

И. Вольнер

ХЛЕБ — ВСЕМУ ГОЛОВА

«Хлеб — всему голова», — издавна говорят в народе.

Рано или поздно все приедается. Хлеб — никогда.

Веками люди боролись за то, чтобы быть сытыми, за кусок самого простого хлеба. В нашей стране это время давно уже позади. Но когда Россией правил царь с помещиками и капиталистами, много людей часто страдало от недостатка хлеба. Поэтому Владимир Ильич ЛЕНИН говорил тогда, что народ должен добиться, чтобы «всякая семья имела хлеб...»

И наш народ этого добился. После Октябрьской революции была объявлена война голоду.

Нелегко проходила эта борьба. Против молодой Советской республики ополчились кулаки, оставшиеся в деревне, белогвардейцы и иностранные капиталисты. Они хотели задуть нашу страну голодом. Но ничего у них из этого не вышло.

Советские люди победили голод. Они создали колхозы и совхозы. Они послали в деревню великое множество машин. И хлеба в нашем огромном советском доме с каждым годом становилось все больше и больше.

ЗАДАЧА О ДВУХ КОЛОСКАХ

Мы говорим: «Борьба за хлеб». А что это такое? Прежде всего — борьба за высокий урожай.

Испокон веку лелеяли земледельцы мечту о сказочных урожаях зерна. В своей известной книге «Путешествия Гулливера» английский писатель Свифт пишет: «Всякий, кто вместо одного колоса сумел бы вырастить на том же поле два, тот оказал бы человечеству и своей родине самую большую услугу...» Устами автора говорили миллионы хлеборобов всего мира. И неслучайно эти слова вспоминал Климент Аркадьевич Тимирязев. Знаменитый русский ученый сказал, что задача о двух колосках — это самый жгучий вопрос, который предстоит нашей стране решить в ближайшее время.

Но какая это трудная задача! Ни в одном задатнике не найдете вы подобную ей.

Вырастить два колоса вместо одного! Да ведь никогда еще ни в одной стране, ни один народ не брался за это. Только в Советской стране вековая мечта земледельцев становится не сказкой, а былью. Там, где раньше у нас снимали с гектара земли десять центнеров пшеницы, теперь собирают двадцать. Стало быть, где рос один колос, теперь растет два! Многие колхозы добились успехов еще больших.

ТАМ, ГДЕ НИЧЕГО НЕ РОСЛО

Мы говорим: «Вырастить два колоса вместо одного». Ну, а как поступить там, где и одного колоса не было?

Не раз, наверное, слышали вы в последнее время рассказы о целине. Быть может, из вашей семьи кто-нибудь тоже отравился осваивать веками пустовавшие земли?

Целина! Бескрайний океан земли, уже очень давно или вообще никогда не знавшей плуга. Только дикие травы поднимались над ее серо-желтым покровом, и горький запах полыни одурманивал впервые попавшего сюда человека.

Много таких земель было у нас и в Казахстане, и за Волгой, и в Сибири, и на Урале. И вот три года назад Коммунистическая партия бросила клич: «Молодежь — на покорение целины!»

И сотни тысяч юношей и девушек откликнулись на этот призыв.

Нелегко приходилось им вначале. Жили в палатках. Летом колючие ветры обжигали лицо, безжалостно палило раскаленное солнце. Зимой было не лучше: снежная пурга, трескучие морозы; машины отказывались повиноваться и не раз казалось, что дальше продолжать борьбу не хватит сил.

Прошло всего только три года. Кажется, еще лишь вчера ставили свои первые палатки в Кустанайской степи комсомольцы Москвы и Ленинграда, Киева и Минска. Кажется, совсем недавно сели за руль трактора и за штурвал комбайна неопытные паренки и девушки. А посмотришь, как работают — и удивишься.

Ведь произошло настоящее чудо. Разбужено и призвано к жизни тридцать три миллиона гектаров земли. 33 миллиона гектаров! И там, где еще недавно серебрился ковыль, где буйствовали злые ветры-суховеи, заплескался новый океан — бескрайний океан пшеницы.

Не узнать теперь прежде дремавшую степь. Новые совхозы, поселки и целые города выросли на берегах Ишима, на просторах Кулундинской степи. И все это благодаря великому подвигу молодых покорителей целины.

Как убрать океан хлеба?

Урожай огромный. Даже у героев целины не хватило сил убрать его.

Но ведь целинный хлеб — это народный хлеб. Поэтому забота о нем тоже должна быть народной. И снова, как три года назад, потянулись эшелоны на Восток. Они везли студентов и рабочих, трактористов и комбайнеров. Все, кто мог, спешили на помощь целине.

Прибыли и молодые болгары, венгры, румыны, поляки. Но теперь они приехали не в гости, а на работу — помочь убрать урожай целины.

И закипел великий труд на полях Сибири и Казахстана. От зари до зари гудели комбайны и жатки. В это время зерноульты гнали нескончаемым потоком золотое зерно в машины, отвозившие его на заготовительные пункты.

Надолго запомнит народ великую жатву 1956 года! И как не запомнить! Ни старая Россия, ни даже наша Советская страна никогда еще не видели в своих амбарах столько зерна, сколько было ссыпано этой осенью. Два миллиарда пудов хлеба дала Российская Федерация, миллиард пудов — Казахстан, более трехсот миллионов — Алтай.

Что, если бы все это зерно смолоть в муку да испечь из нее один огромный-преогромный хлеб?

Не о таком ли гигантском каравае писал Джанни Родари:

«Он солнце закрыл бы
Мой хлеб золотистый —
Огромный,
Поджаристый,
Теплый,
Душистый».

ЗАГЛЯНЕМ В ГОД 1960-ЫЙ

На дворе — ноябрь, месяц, когда советские люди отмечают свой самый большой праздник. Переделали листки календаря. Еще немного и закончится 1956-й год — первый год шестой пятилетки. Хороший это был год и много он принес нам хлеба.

А в 1960-м году мы должны собрать и соберем, конечно, одиннадцать миллиардов пудов зерна.

Одиннадцать миллиардов! Представьте себе, что сто человек взялись перенести эти 11 миллиардов пудов с одного места на другое. На каждого приходилось бы по сто мешков в день. Как вы думаете — скоро ли они закончили бы эту работу?

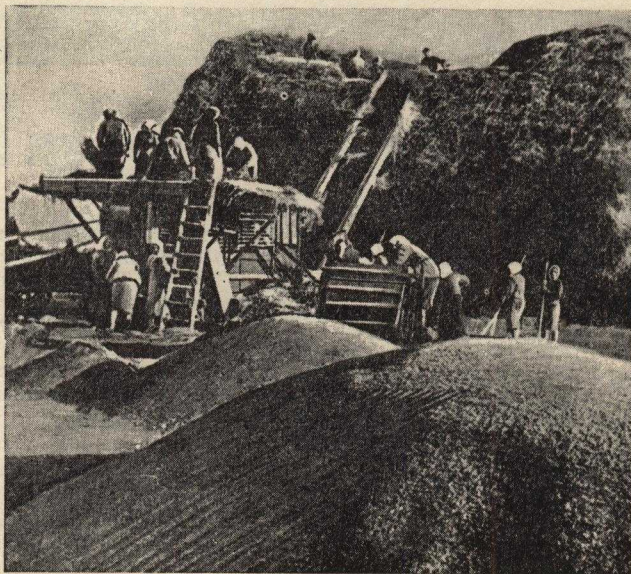
Через тысячу лет, в 2961 году!

Вот что значит перенести 11 миллиардов пудов хлеба. А если это зерно погрузить в вагоны, поезд, составленный из них, опоясал бы весь земной шар, и все же не уместился бы на нем: линия экватора оказалась бы слишком короткой.

Может возникнуть вопрос: «Надо ли нам столько зерна?» Ведь хлеба у нас теперь и так вдоволь.

Однако зерно это не только булки и пироги. Зерно — это мясо и молоко, шерсть и кожа, и многое-многое другое.

Зерно, хлеб — это богатство и могущество нашей страны.

Ленинград. „Костер“. Отдел „Пионеры — шестой пятилетке“.

**МИНИСТЕРСТВО
СВЯЗИ СССР**
ФОТОТЕЛЕГРАММА

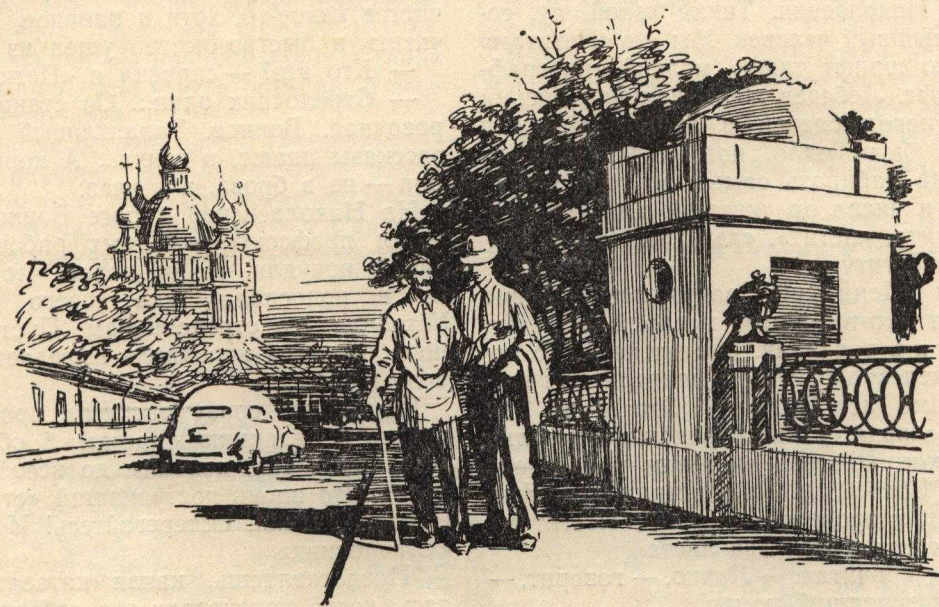
Из **Свердловска 411**
11/9 ч. **0810** пор. № **2**

Адрес **2 Ленинград, Набережная
Кутузова, дом 6, редакция
журнала „Костер“**

СЛУЖЕБНЫЕ ОТМЕТКИ: **-64-**

Свердловские пионеры поддерживают инициативу ленинградских пионеров школьницы Качановичского р-на. Свердловские пионеры работают на строительстве многоквартирных домов. Ребята 48^а, 7^а, 10^а, 8^а школ станции Свердловск - сортировочная участвуют в строительстве 62^а квартирного дома, ребята 1^а, 3^а, 9^а школ - в строительстве 60^а квартирного дома по ул. Челюскинцев, ребята 2^а, 10^а школ - в строительстве 52^а квартирного дома

Секретарь Свердловского Комсомола **Конанарев** /Конанарев/

УЛИЦА ВОИНОВА

Б. Раевский

Рисунки Г. Праксеича

Трофим Денисович — маленький, сухонький, очень аккуратный. Всегда такой приглаженный, чистенький, причесанный, словно только что из бани. У него длинные усы и маленькие, острые, с хитринкой глаза.

Старик когда-то, еще до революции, работал в «Правде» и рассказывает много такого, чего ни в одной книге не прочтешь.

Кажется, Трофиму Денисовичу не в тягость мои частые посещения. Он любит вспоминать былые времена. А главное, догадываюсь, — один не рискует выходить из квартиры.

Вот и сегодня: как только я пришел, Трофим Денисович сразу стал хлопотливо готовиться к прогулке.

Пока старик одевается, я уже в который раз оглядываю комнату.

На стене висит кавалерийская сабля в потертых ножнах, с большим алым бантом на эфесе. Рядом под стеклом — потускневшая грамота; старинная, теперь таких не печатают. А под грамотой подпись — Буденный.

...Мы с Трофимом Денисовичем спускаемся по лестнице, все с ним здороваются. Даже дети знают: он — персональный пенсионер, старый большевик.

Идем по улице. Шагаем медленно. Трофим Денисович молчит, постукивает по асфальту своей тяжелой палкой.

На улице чудесно. Стоит отличный летний денек, какие не часто бывают в Ленинграде.

Воздух свежий, пахнет зеленью и цветами.

— Все же вы, молодежь, — удивительно нелюбопытный народ, — неожиданно произносит Трофим Денисович. (У Трофима Денисовича все, кому меньше пятидесяти лет, — молодежь, почти мальчишки). — Вот по улицам ходите — словно у вас уши пенкой заткнуты, а на глазах — шоры. А ведь улицы — они разные...

Старик поднимает свою толстую палку и тычет ею по направлению металлической дощечки, какие висят на угловых домах. На синей эмали белые буквы: «Улица Воинова».

— Ходишь вот мимо, а самого главного не замечаешь, — укоризненно говорит он. — Кто это — ведаешь?

— Слыхал кое-что.

— Кое-что слышать, значит, ничего не слышать. — наставительно произносит Трофим Денисович. — А я вот Воинова Ивана Авксентьевича лично знал. Первую нашу встречу и по сию пору отлично помню. Было это в двенадцатом году. Сидел я в тот вечер в редакции, — задумчиво продолжает старик, — читал письма рабочих. Этих писем в «Правду» приходило каждый день по сотне, а то и полторы. Для рабочих-то тогда не имелось техникумов да ФЗУ всяких. Бывало, придет письмо, — не знаешь, как к нему и подступиться. На клочке бумаги, а то и на обрывке обоев. Каракули — черт ногу сломит. Ошибок — тьма. А надо обязательно прочитать и вникнуть.

У нас в редакции тогда Лебедев работал. Николай Николаевич. Тихий такой, ну, совсем неслышный человек. Мы его «Петитом» звали: это шрифт такой, мелкий типографский шрифт. Лебедев подготавливал письма рабочих перед сдачей в набор. Места в «Правде» было мало, потому приходилось все письма набирать самым мелким шрифтом. Вот и писал он указание для типографии: «петит», «петит», «петит»... Ну, а я — помогал «Петиту».

Трофим Денисович задумался, словно вспоминая что-то, потом продолжал: — Ну, вот, сижу я в редакции. Входит какой-то детина в железнодорожной шинели. Огромный — прямо под потолок. Это я не для красного словца: у нас в редакции потолки были низкие. Шинель на груди у него еле сходится. Волосы коротко острижены. Усы. Ну, входит, здоровается с нашим «Петитом» и кладет ему на стол два листа.

«Петит» прочитал. — Ладно, — говорит, — дадим в завтрашний номер.

Железнодорожник уже повернулся уходить, а «Петит» спрашивает: — Больше, Ваня, ничего нет? Как насчет стихов?

Тут я насторожился. А железнодорожник вдруг ужасно смутился, ну, как девочка малая, краской весь залился. Представляешь — огромный детина, и вдруг так краснеет...

— Есть, — отвечает еле слышно, вытаскивает из кармана исписанный листок и кладет на стол «Петиту».

Тут уж я совсем заинтересовался. С этим богатырским ростом и широченными плечами подстать бревна ворочать, а тут — стихи!..

— Читай вслух, Ваня, — попросил «Петит». Железнодорожник еще больше смутился.

— Нет, — говорит, — не могу...

И таким упавшим, слабым голосом говорит, что чувствую: он и в самом деле не в состоянии прочитать вслух свое сочинение.

Тогда «Петит» сам прочитал. Стихи я, конечно, уже забыл, но помню — хоть и не слишком складно было написано, а с душой. «Вставай, рабочий, на борьбу, только своими руками завоюешь ты святую свободу»... Что-то в таком духе. Всем понравилось. И мне тоже.

— Напечатаем, — сказал «Петит», — ну, прочитай еще что-нибудь, только теперь уж сам...

Железнодорожник, видимо, уже немного оправился. И прочитал стихотворение. О чем бы — как думаешь? О васьках! Теплое

было стихотворение, и — как бы сказать? — чистое какое-то, хотя и наивное. Кончил он читать и быстро-быстро ушел из редакции.

— Кто это? — спросил я «Петита».

— Стрелочник один... Со станции Сортировочная. Воинов. Талантливый парень. И рассказы пишет, и стихи... А корреспонденции — не в бровь, а в глаз.

На Николаевской дороге Воинов организовал профсоюз линейных рабочих. Жандармы почуяли, что на дороге что-то неладно и подослали туда своего человека. Устроили его стрелочником. Пусть, значит, поработает да исподволь выведает, кто там воду мутит.

Но Воинов сразу раскусил прохвоста. И принес в редакцию «Звезды» * объявление: мол, так и так, доводим до всеобщего сведения, что вновь поступивший «стрелочник» Осипов — шпик. Остерегайтесь! И подпись — «Стрелочник».

Представляешь, какая катавасия началась, когда напечатали это «объявление»!

Я мало видел Воинова. Он старался реже бывать в редакции. Шпики следили за всеми проходящими в «Правду». А Воинов и без того был на заметке. Но корреспонденции «Стрелочника» мы печатали регулярно. Обычно кто-нибудь из наших ехал в условленное время дачным поездом до Сортировочной. Всегда в первом вагоне, в тамбуре. Воинов войдет в этот тамбур, молча передаст бумажку и спрыгнет.

Писал он всё больше об измывательстве начальства над железнодорожными рабочими. Стрелочник, например, за целые сутки дежурства не имел права зайти в будку или хоть присесть, даже если выпала свободная минутка.

— Сядет — того и гляди — заснет, — говорило начальство.

Заметит инспектор сидящего стрелочника — сразу штраф. Второй раз увидит — вон с работы.

Вскоре Воинова заслали не то в Ярославскую губернию, не то еще куда. Но он даже из ссылки присылал нам заметки...

Мы с Трофимом Денисовичем дошли до Литейного и повернули обратно.

Приближался вечер. По улице Воинова, прямой, как стрела, бесшумно мчались машины. Вдали виднелись купола Смольного собора.

— И больше вы не видели Воинова? — спросил я.

* «Звезда» — большевистская газета, предшественница «Правды». Выходила до 1912 года.

— Видел. Но... лучше и не рассказывать. — Трофим Денисович опустил голову.

Целый квартал мы прошли молча. Старик шагал медленно, усы у него обвисли, и весь он как-то сгорбился.

— Страшная встреча была. Последняя, — наконец, произнес он. — Случилось это в семнадцатом году. Как раз после расстрела демонстрации на углу Невского и Садовой. Никогда не забуду этот день — пятого июля.

«Правду». А как? Где взять материалы для газеты, деньги, бумагу, типографию?

Видим, «Правду» нам никак не осилить. Тогда решили пока выпустить хоть маленькие боевые листки. Так и назвали новую газетку «Листок Правды». Всю ночь не спали. Типографию наладили, бумагу раздобыли.

И вот выпустили «Листок» — маленький, на вид невзрачный — бумага плохая, шрифт

К редакции вдруг подкатила машина. На ней пулемет и полно юнкеров. Пулемет развернули и на наши окна нацелили. А юнкера ворвались в редакцию. Столы, стулья — в щепки. Рукописи рвут, топчут — прямо погром. Один — молоденький, безусый — сбросил на пол пишущую машинку и ну пинать сапожищами. Другой револьвером по телефону — хрясть! Вдребезги. Но, видно, показалось ему мало, так еще провода оборвал.

И типографию нашу — «Труд» называлась — тоже разгромили.

Время боевое, горячее. В такие дни без газеты — гроб. Надо немедленно выпустить

стертый, краска кое-где смазана. Но настоящий, боевой, большевистский листок!

Там и статью Ленина напечатали, и воззвание ЦК партии.

Вдруг Воинов появился. Веселый, глаза сверкают. Всегда-то он замкнутый был, хмурый. А тут — прямо не узнать! Пришел и говорит:

— Дайте пачку «Листков».

— Откуда ты взялся? — спрашиваю я.

— Долго рассказывать, — смеется Воинов. — С Ангары! Из ссылки... Уже два месяца в Петербурге.

И, как сейчас помню, я еще поправил его:

— Не в Петербурге, а в Петрограде...
— Ну, в Петрограде, — говорит. — В любимом городе моем...

Взял он толстую пачку «Листков» на левую руку, как мальчишка-газетчик, и ушел.

...Часа через два звонят в редакцию. Тревожный женский голос. Срочно приезжайте. Несчастье.

Я помчался на Фурштадтскую, в приемный покой полицейского участка.

Ведут меня в палату.

Вижу: на клеенчатом диванчике неподвижно лежит кто-то огромный, ноги с дивана свисают. Пиджак разорван. Рубаха разорвана. Лицо полотенцем прикрыто.

Трофим Денисович замолчал.

— Мертвый? — шепнул я.

Старик отвернулся.

— Потом мне рассказали. Воинов с пачкой «Листков» вышел вот на эту самую улицу, — старик ткнул палкой в асфальт. — Называлась она тогда Шпалерной. Идет, раздает газету и всем говорит:

— Не верьте Временному правительству! Клеветают на Ленина, на большевиков! (В то время, ты знаешь, враги подлый слух пустили, будто Ленин — немецкий шпион).

Вдруг из Кавалергардских казарм, — старик указал палкой на длинное серо-зеленое здание с колоннадой, — высыпала толпа юнкеров. Какой-то вояка подскочил к Воину, орет:

— Ты сам тоже немецкий шпион! Сколько получил от кайзера? Признавайся! — и бац по уху.

Воинов — здоровяк был — удержался на ногах. Но тут вся свора налетела. Свалили, топчут сапогами, бьют тесаками. А он — сил уж нет, еле дышит — все свое твердит: «Не верьте клевете!»

Тут подскочил фельдфебель, выхватил шашку и Воинова по лицу, по голове, раз, раз! Орёт: «Большевик! Предатель!..»

Трофим Денисович тяжело вздохнул и замолчал.

Мы медленно шли по строгой, прямой улице. Бесшумно мчались по асфальту машины. В зеленых скверах играли дети. Откуда-то, вероятно, из Таврического сада, доносились звуки духового оркестра.

И на каждом доме, над воротами, на металлических щитках упорно бросались в глаза надписи, которых я раньше не замечал:

«Улица Воинова», «Улица Воинова», «Улица Воинова».

БРАТИШКА

Вячеслав Кузнецов

*Хороший растет у меня братишка.
На будущий год*

в комсомол собирается.

*Он знает, наверно,
наизусть всю книжку.
в которой*

про то,

как сталь закаляется.

*Утром с кровати —
на улицу прямо
выскочит,*

снегом натрется рассыпчатым...

и, может быть,

в сотый раз скажет мама:

— Опять не послушался

бабушку нынче ты!

А он ворвется и —

настежь двери!

*Бабушке хитро мигнув,
расхохочется.*

*А та сквозь очки
его строго смерит
и...*

внука ругать

почему то расхочется.

...Он любит с гор бросаться на лыжах.

Вы бы видели,

как он мчится!

*Круче спуск —
приседает пониже,
трамплин —
он, пригнувшись,*

взлетает птицей!

*Он каждый поступок свой
с Павловым меряет.*

*Нигде не струсит,
ни в чем не откажется,*

Я знаю его хорошо

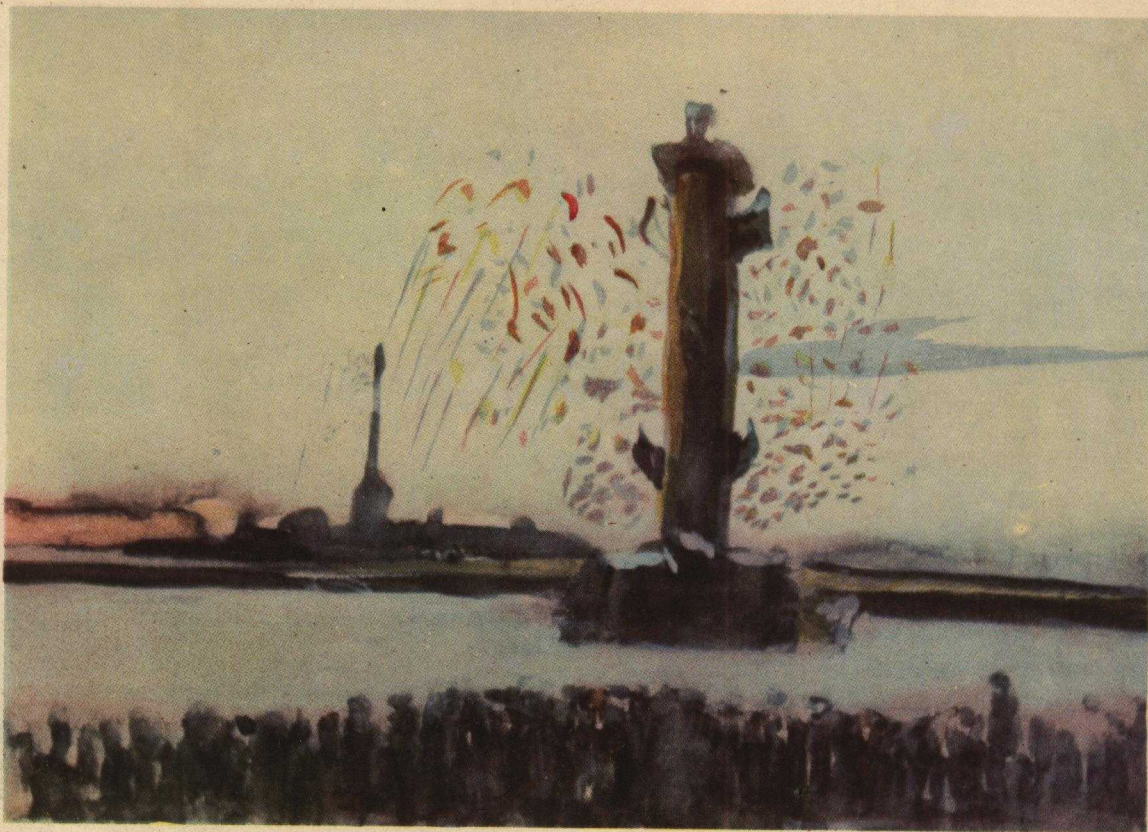
и узрел,

что вот из таких

вырастают корчагинцы.

*

„Салют“. Работа Алика Чеботарева, 5 класс, 238 школа, г. Ленинград.

„Русские богатыри“. Работа Вити Шиловой, 3 класс, 246 школа, г. Ленинград.

В ПУШКИНСКОМ ИНТЕРНАТЕ

Когда 31 августа Боря Куликов приехал в школу-интернат в город Пушкин, ему стало грустно. Ребята незнакомые. У многих заплаканные глаза. Какой-то малыш из первого класса ходил по коридору и беспрерывно хлюпал покрасневшим носом, а в столовой слезы из глаз капали у него прямо в тарелку. Суп, наверное, показался малышу соленым. Это было смешно, но Боря не смеялся.

Вокруг хлопотали педагоги и девочки из старших классов, разводя малышей по спальням, а Боря сиротливо стоял у окна и смотрел на деревья в парке, тронутые осенней желтизной.

— Вот еще один футболист! — услышал он.

Боря обернулся. Перед ним стояло два паренька. — А как вы узнали, что я играю? — удивился Боря.

Ребята засмеялись.

— Взгляни на твои бутцы, — объяснил белокурый.

И верно, носы побиты, ободраны. Сапоги заядлого футболиста.

Боря был зачислен левым нападающим команды пятого класса.

На открытие интерната шефы — рабочие Ижорского завода — привезли подарок: мраморный бюст Владимира Ильича Ленина. Принять подарок выстроилась вся школа.

До Великой Отечественной войны он стоял в зале рабочего заводского клуба. Во время войны в одну из бомбежек клуб загорелся. Рабочие вынесли из горящего здания книги заводской библиотеки и бюст Ленина и установили в одном уцелевшем и еще действовавшем цехе.

Мраморную скульптуру уберегли и после войны перенесли во вновь отстроенный заводской Дворец культуры.

— Берегите подарок, — говорили рабочие завода, передавая бюст ребятам, — мы сохранили его в самые тяжелые годы.

Жизнь интерната налаживалась. На сентябрь выпало много праздников — дней рождений: 23 сентября в интернате праздновали день рождения пионерской дружины, 29 сентября — день рождения комсомольской организации; в последнее воскресенье сентября праздновали день рождения всех учеников, родившихся в этом месяце.

Столовую украсили. «Новорожденные» сидели за одним столом в центре, все их поздравляли, и Боре стало даже завидно, что он родился не в сентябре, а в апреле. Но праздничный пирог достался всем.

В интернате открылись кружки. Боря хотел записаться в духовой оркестр, но ему не повезло; мал ростом. Сказали — надо подрасти.

Как-то, пробегая мимо пионерской комнаты, Боря увидел первоклассника, который так горестно плакал в первый день. Сейчас он сидел у стола и, закусив кончик языка, старательно выпивал лобзиком ажурную полочку из фанеры.

— Ну как? — спросил его Боря. — Не разводишь больше сырости?

Малыш не понял. Он вскинул большие удивленные глаза и сказал неожиданным басом:

— Некогда мне.

Боря засмеялся. Малыш был прав: скучать действительно некогда...

ВАТАГА ИЗ САН ЛОРЕНЦО

Марчелло Арджилли

Рисунки Н. Петровой

У САНЛОРЕНЦИЙЦЕВ СВОЙ ПЛАН, А У НАНДО — СВОЙ

Вот и воскресенье. Ребята собрались на своем перекрестке. Сидя на заборчике и потрясая рогаткой Марко произнес перед санлоренцийцами пламенную речь. Говорил он приглушенным голосом, чтобы не слышали прохожие.

— Я веду авангард. За Пертикой и Джиджино идет отряд, чтобы ударить с фланга. Главные силы наступают на Сан Джованни через арку Святой Бибианы, а фланговый — через боковые ворота. Санджованцы собрались в саду, у собора. Мы нападём на них с двух сторон.

Марко замолк — неподалеку проходил отец Беппоне; когда он завернул за угол, оратор заговорил опять:

— Сегодня решится, чья ватага сильнее: Сан Лоренцо или Сан Джованни! Берите пример с Джиджино: его считали трусом, а он стал героем. Горе тому, кто побежит от врагов, он получит по заслугам. Леонэ я беру на себя.

Марко взмахнул кулаком над головой и произнес страшным шопотом:

— В поход! Да здравствует непобедимый квартал Сан Лоренцо!

— Да здравствует Сан Лоренцо! — откликнулся, как эхо, хор приглушенных голосов.

Два отряда двинулись вперед: один шагнул по правой стороне улицы, другой — по левой.

Рядом с Марко шел не кто иной, как Чезаре. Разве он мог не участвовать в таком сражении!

Впереди шли бойцы, вооруженные рогатками, сзади — метатели топпов. У каждого метателя по четыре снаряда — два в руках и два за пазухой. Сзади двигался и боевой обоз: Джованна и Луиза со своими неизменными спутниками — Марией, Клементиной и Ледой. Девочки еле волокли провизионные сумки. Очень трудно было прятать топпы от прохожих и особенно от полицейских. Но все обошлось благополучно.

Они уже подходили к пограничной стене, наступал решительный момент. Кто не находил в себе страха — удивлялся собственной отваге, а кто побаивался — надеялся, что не спасует.

Джованна, конечно, принадлежала к первым, но и у нее все-таки скребло на душе: она обманула Нандо. Пока он завтракал, она тихонько улизнула.

«Зато я буду драться за двоих, — старалась успокоить себя девочка. — Если бы Нандо не был слепым, он, наверное, был бы сейчас с нами».

Окончание. См. № 1, 2, 3, 4.

Беппоне оказался среди тех, кто побаивается. Однако он страшился вовсе не драки, а того, что может начаться после драки. Дело в том, что отец Беппоне был возчиком, и, вероятно, поэтому имел скверную привычку, чуть что, — пускать в ход вожжи. Это не только больно, но и оскорбительно.

Подошли к арке Святой Бибианы. Марко отдал последние приказания:

— Если у боковых ворот встретятся их часовые, ни в коем случае не дайте им ударить. Берите в плен. Мы должны напасть врасплох!

Марко подал знак, и отряды разошлись. Главный отряд свернул под арку Святой Бибианы, дальше лежала вражеская территория. Еще несколько секунд, — и начнется сражение.

«Хорошо, что Нандо ничего не знает!» — думал Марко, сжимая кулаки.

* * *

Но Марко ошибался.

Нандо прекрасно слышал, как Джованна, тихонько приоткрыв дверь, ускользнула из дому. Мальчик выждал несколько минут, потом встал, спустился по ступенькам и очутился на улице. Для него ровно ничего не стоило пройти по пути, которым он проходил хотя бы один раз.

Вскоре Нандо услышал вдали шум трамвая. Он уже знал, что в Сан Джованни можно попасть двумя путями — через старые крепостные ворота, как ходили ребята, или так, как делали чаще всего взрослые — трамваем.

Нандо направился к трамваю. Это было быстрее и надежнее, к тому же в его расчеты совсем не входило столкнуться с друзьями раньше времени.

«Как они со мной ни хитрили, — я, пожалуй, их перехитрю! Они сами этому меня научили».

Мальчик улыбнулся. Он и вправду изменился, даже сам не узнавал себя. Так же, как санлорендийцы, Нандо приготовил свой план сражения.

Пробираясь ощупью вдоль стены, он дошел до улицы, где проходили трамвайные пути.

— Нет ли здесь любезного синьора, который помог бы мне сесть в трамвай? — громко спросил Нандо.

— Конечно, мальчик, давай руку! Тебе в какую сторону? К Верано или к Сан Джованни?

— К Сан Джованни. Там ждут меня друзья.

«Чорт возьми! — промелькнуло в голове Нандо, — оказывается, я тоже могу действовать, стоит только захотеть. Если бы мне не встретились Джованна и другие, я продолжал бы собирать милостыню на площади, играть на гармонике, ждать злую старуху и всегда бояться».

Трамвай дергало, и Нандо держался за ручку. Будь рядом с ним Джованна, она бы, как тогда в поезде, объясняла ему, что видно из окон. Но Джованна была там, с другими ребятами.

— Покупайте билеты! Покупайте билеты!

Только теперь, услышав кондуктора, Нандо вспомнил, что в трамвае надо платить, а денег у него не было.

— Ваш билет? — услышал Нандо почти рядом.

— Извините, синьор, у меня нет денег, — краснея пробормотал он.

— Ты что, смеешься надо мной? Нечего отворачиваться!

Смущенный Нандо поднял голову.

— Я не нарочно: я слепой. У меня нет денег, но я обязательно должен быть в Сан Джованни. Поверьте мне, у меня очень важное дело.

В трамвае сразу стало тихо. Нандо понял, что все пассажиры уставились на него.

«Я все-таки не такой, как все, — с грустью подумал он. — Ничего я не могу сделать самостоятельно».

Вдруг кто-то сунул в его руку бумажку, и он услышал веселый голос кондуктора:

— Получай билет!

— Но у меня нет денег.

— А кто у тебя требует их? Сегодня воскресенье и в трамваях катают бесплатно! Ты разве не знаешь? На каком свете ты живешь?

Несколько пассажиров подтвердили:

— Верно! Верно!

— По воскресеньям не платят.

Сжимая билет в руке, Нандо не знал, что и ответить. Он понимал, что его обманывали, но у него сразу сделалось легко на душе.

В Сан Джованни кондуктор помог Нандо сойти и поручил его одному синьору, который стоял на остановке.

— Будьте любезны, синьор, — обратился мальчик, — скажите, пожалуйста, не видно ли здесь поблизости ребят? Они ждут меня.

— Вот там, в саду, их человек двадцать, — ответил синьор.

— Спасибо! Это, верно, они! Прошу вас, переведите меня через улицу, потом я сам дойду.

И вдруг санджованцы увидели на центральной аллее сада Нандо. Он шел вдоль клумбы с протянутыми вперед руками. Гостей из Сан Лоренцо здесь ждали. Вся ватага была в боевой готовности, но они никак не думали, что к ним придет Нандо. Вдруг слепой остановился. Хотя никто еще не проронил ни слова, Нандо почувствовал присутствие ребят.

— Кто из вас Леонэ? — спросил он.

Леонэ выступил вперед.

— Это я.

— Здравствуй, — сказал Нандо, протягивая ему руку. — Я хочу поговорить с тобой.

Леонэ, сильно смущенный, пожал ему руку.

— Но ведь я тот Леонэ, который ударил тебя, — запинаясь, сказал он.

Слепой улыбнулся.

— Ну что ж, познакомимся. Я — Нандо. Можешь ты проводить меня до скамейки?

Они сели. Удивленные ребята расселись вокруг на корточках.

— Я не сержусь на тебя, Леонэ. Я ведь первый ударил тебя. Так что ты меня сам извини, пожалуйста. Но сейчас я пришел по другому, очень важному делу. Скоро сюда явятся наши, они хотят напасть на вас.

Все вскочили.

— Они подослали слепого, чтобы отвлечь нас!

— Надо бежать им навстречу!

— Готовьте рогатки!

Повелительный голос Леонэ покрыл крики:

— Тихо! Говори, Нандо!

— Санлоренцийцы не знают, что я здесь. Я должен вам все объяснить... Деньги на мяч и футбольную площадку у ребят были, но они потратили их на меня. Правда, я этого не знал, но я не хочу, чтобы из-за меня разыгралась война. Я уверен, что вы такие же, как и ребята из Сан Лоренцо, а они — мои друзья...

— Я и не подозревал, — пробормотал Леонэ, — что они истратили деньги на тебя. Если бы я знал! Но ведь еще есть и вопрос чести. Надо решить раз навсегда: какой из двух кварталов сильнее. И здесь ты ни при чем.

— Но зачем драться?

— Конечно, драка не обязательна... Но мы, санджованцы, не можем предложить мир. А то ваши подумают, что мы боимся.

Нандо казалось, что помирить две враждующие ватаги легко и просто. Стоит только объяснить — и все будет хорошо. Неужели они ничего не понимают?

Внезапно со стороны ворот раздался боевой клич. В ребят, плотным кольцом окружавших слепого, полетели топпы. Санджованцы бросились врассыпную.

— Предательство! Защищайтесь! — кричали они.

Вдруг Марко увидел во вражеском стане своего друга.

— Нандо в плену! Отобьем его!

По свисту топпов, сумятице и крикам Нандо понял, что сражение разгорелось. Он вскочил, но чья-то рука потянула его к земле. Это был Пертика.

— Сиди, мы тебя освободим! Санлоренцийцы — в атаку!..

— Леонэ! Где Леонэ?

— Он отступает. Ты подожди здесь, мы им поддадим жару.

Нандо кинулся вперед.

— Леонэ, — кричал мальчик, — послушай хоть ты меня!

Никто ему не ответил.

Нандо бежал туда, откуда доносились крики и свист топпов.

— Дураки, дураки! — повторял он, задыхаясь от гнева и отчаяния.

На бегу он споткнулся о проволоку и упал в траву.

— Дураки, дураки! — твердил он, колотя кулаками по земле. И это — его друзья?! Такие злые, такие глупые! Все это мерзко, низко.

Мальчик зарыдал.

— Нандо, что с тобой? Тебя ударили?

Сильные руки Леонэ подняли слепого и поставили на ноги.

— Не помогайте мне! Я знать вас не хочу! Оставьте меня! — кричал Нандо, вырываясь.

— Прошу тебя, успокойся! — уговаривал его Леонэ.

Шум драки утих. Обе ватаги собрались около Нандо. Но Нандо сейчас не понимал, что вокруг него друзья. Ему казалось, что и санджованцы смеются над ним. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, он сжал кулак и изо всей силы ударил стоявшего перед ним Леонэ.

Леонэ отшатнулся.

— Я тоже буду поступать по-вашему! Деритесь! Начинайте все сначала! — кричал в исступлении Нандо. — Я ударил тебя! И ты бей!

Вдруг Нандо почувствовал, как кто-то крепко обнял его.

— Прости, Нандо, — шепнул Леонэ, — мы все дураки.

Нандо сразу же пришел в себя и порывисто обнял Леонэ.

— Я совсем потерял голову.

— Это мы потеряли голову! — воскликнула Джованна. — Но теперь между нами будет мир!

— В конце концов, все мы — римские ребята, — заговорил Марко, первым протягивая руку Леонэ, — Нандо прав, к чему нам воевать?

— Ну, Нандо, ты все-таки добился своего! — воскликнула Джованна. — Война кончена самым удивительным образом — без победителей и без побежденных.

Нандо кивнул. Он был слишком счастлив, чтобы говорить.

Беппоне схватил топп и швырнул его изо всей силы в ближайшее дерево.

— Долой войну! Да здравствует мир! — крикнул он.

Беппоне, который всегда и все делал не-кстати, на этот раз поступил именно так, как следовало. С криком «ура!» санлоренцийцы и санджованцы расхватили топпы и обрушили их на злополучное дерево. Нандо тоже попросил топп и тоже бросил его. Потом о ствол застучали поломанные ро-гатки.

Прохожие останавливались, в изумлении глядя на детей: да что они, с ума сошли?! А ребята пожимали друг другу руки, обнимались и радостно вопили:

— Мир!.. Мир!.. Мир!..

ДО СВИДАНИЯ, ДРУЗЬЯ!

ЗаклЮчить мир довольно легко, особенно если вмешается такой человек, как Нандо. Гораздо труднее найти ребят, которые признали бы, что их футбольная команда слабее команды соседнего квартала.

И дело снова приняло неприятный оборот.

Спустя час после заключения мира, назло всем полицейским, санлоренцийцы и санджованцы растянулись на зеленой траве сада, под прекрасным жарким солнцем.

Марко сказал:

— Мы заключили мир, и я очень рад этому. Но, всё-таки, чья команда сильнее?

— Мы победили, — кто-то из санджованцев поднял голову: — И спорить тут не о чем.

— Как знать! — Пертика вскочил. — Ведь остается еще один матч! — Но тут же он прикусил губу: а где мяч, футбольная площадка? Смутились и остальные санлоренцийцы.

Нандо шепнул что-то на ухо Леонэ. Тот, улыбаясь, кивнул головой. Тогда заговорил Нандо:

— Пертика прав. Я предлагаю сегодня же устроить встречу. Мяч достану я, а с футбольным полем что-нибудь придумаем.

— Где же ты достанешь мяч? — удивился Марко.

Нандо торжественно положил руку на сердце.

— Я сказал и повторяю: мяч достану я!

— Великолепно! — Джиджино вскочил. — Вы увидите, мы забьем в ворота санджованцев не меньше пяти мячей! Я ведь играю центральным нападающим!

— Защитником! — поправил его Марко.

— Это все равно! — сказал полный энтузиазма Джиджино.

* * *

Матч состоялся. Конечно, не на настоящей спортивной площадке, поскольку платить все-таки было нечем, а на лугу, который вполне сошел за футбольное поле.

Самое удивительное, что Нандо действительно достал мяч. Он сказал что-то тихонько Джиджино. Тот побежал куда-то и вернулся с мячом. Марко подозрительно осмотрел мяч. Помнится, он уже видел его. Пятый номер, в одном месте кожа чуть ободрана...

— Скажи, Джиджино, тебе Леонэ дал его? — с невинным видом спросил Пертика.

— Что ты! Клянусь тебе, нет! — Но на лице Джиджино ясно было написано, что он врет.

Однако поведение Леонэ не подтвердило оскорбительной догадки. Явившись на поле во главе своей команды, он придирчиво осматривал мяч, прикидывал его на руке, даже подбросил несколько раз. Потом серьезно заявил:

— Хорош! Настоящий футбольный мяч.

Все формальности были соблюдены.

Игра началась в пять часов. Зрители разместились на пригорке. Санджованцы, как и следовало при мирных отношениях, уселись вперемешку с санлоренцийцами, хотя каждый чертовски болел за свою команду.

Зрители вели себя во время матча образцово, если, конечно, не считать того, что каких-нибудь пять—шесть раз пришлось разнимать болельщиков. Двое из них подрались еще до начала матча, хотя десять минут тому назад пожимали друг другу руки в знак вечного мира. Но ведь с мальчишками это бывает.

Судил игру Чезаре — трастевверцу легче быть беспристрастным. Обе команды старались во-всю. Марко — центр нападения — делал чудеса. Но каждый раз, когда мяч приближался к воротам санлоренцийцев, гол становился неизбежным. Ведь на защите стояли Бепонне и Джиджино.

Джованна, конечно, болела за своих. Когда Джиджино случайно удавалось попасть по мячу, она просто выходила из себя от восторга. Она кричала, била в ладоши. Нандо, сидевший рядом с ней, вел себя совсем иначе. Он сочувствовал и тем и другим и одинаково всем аплодировал.

— Ах! Безобразие! Опять Леонэ забил нашим гол! — кричала Джованна и в отчаянии теребила Нандо за рукав.

— Браво, Леонэ! — радовался Нандо.

— Что ты, он ведь не на нашей стороне играет! — пыталась образумить его Джованна.

— Все равно, — отмахивался Нандо и опять вопил: — Браво, Леонэ!

Джованна не одобряла такого поведения. В конце концов, Нандо был санлоренцийцем, пусть даже приемным.

Но мальчик радовался не победам той или другой стороны, а дружбе, родившейся между двумя отрядами. Это было для него самое главное.

Насколько слаба была защита у команды Сан Лоренцо, настолько она была сильна у санджованцев. На защите стоял сам Леонэ.

Отбивал бешеный натиск центра вражеского нападения Марко; он успевал, не теряя головы, зорко следить за всем, что делалось на поле. Шел уже второй тайм, и в ворота Сан Лоренцо забили пятый гол. Марко заметно помрачнел.

Тогда Леонэ сквозь зубы сказал одному из своих:

— Передай по полю — хватит, больше ни одного гола!

Пьетро, единственный из санджованских нападающих, который не забил еще ни одного мяча, возмущился. Но Леонэ грубо схватил его за плечо:

— Если ты посмеешь это сделать, я тебя после матча изуродую!

Как ни рвались вперед санджованцы, ни один не осмелился послушаться своего главаря.

Санлоренцийцам все же удалось размотать сухую перед самым концом игры. Матч закончился со счетом 5:1 в пользу команды Сан Джованни. Но, несмотря на это, победители не стали задира́ть носа.

Леонэ после матча подошел к Марко, хлопнул его по плечу и сказал:

— А знаешь, у тебя неплохая команда, не хватает только упорной тренировки. Так что у вас все впереди.

И санлоренцийцы повеселели.

* * *

Как ни тайно вели свои ребячьи дела обываги, родители в том и другом квартале неведомыми путями обо всем дознались. И отнеслись они к этому так, будто начисто забыли о том, что когда-то сами были мальчиками и девочками и дрались, как полагается в этом возрасте. В каждом доме назревали крупные неприятности, но по слову — «из большой тучи маленький дождь» — все кончилось пустяками. Даже отец Беппоне только подержал в руках вожжи, но, пораздумав, повесил их обратно на крюк.

Зато имя Нандо в каждой семье двух кварталов склонялось на все лады.

— Нандо серьезный мальчик!

— Нандо не какой-нибудь ветрогон!

— Берите пример с Нандо!

В несколько дней Нандо стал знаменитостью. Слава его затмила короткую славу Джиджино, тем более, что Нандо гордились даже взрослые. У Нандо появилось много новых друзей. Он чувствовал себя, словно на празднике.

Но это ощущение длилось недолго. Все кругом были заняты делами. Каникулы кончались, ребята готовились к началу занятий. На свое счастье и на свою беду Нандо научился желать. Он затосковал. Ему нужно было что-то делать. Он часто расспрашивал синьору Антонию об училище, о том самом, что стоит на берегу моря. Но синьора Антония и синьор Марио, ее муж, больше отмалчивались. Тогда Нандо заговаривал об этом с Джованной, но его подруга всякий раз старалась перевести разговор на другую тему.

Нандо совсем приуныл:

— Верно, с училищем так ничего и не выйдет.

Единственным его утешением был аккордеон. Да и тот принадлежал не ему, а кузнецу Нино.

Сан Лоренцо не блистал роскошными ресторанами, но в одном из уличных тупиков, в маленьком скверике было простенькое кафе, куда жители квартала сходились коротать свободное от работы время. Туда-то и приносил Нино свой аккордеон, еще совсем новенький. Он купил его, чтобы

самому научиться играть. Но, по правде говоря, он гораздо более умело обращался с железом, чем с музыкальными инструментами. Поэтому на аккордеоне играл не Нино, а Нандо. И санлоренцийцы, едва увидев слепого мальчика в скверике, начинали просить:

— Сыграй нам что-нибудь, Нандо!

Вокруг Нандо вечно толклись ребята. Часто сюда заглядывал даже Леонэ.

Нандо никогда не уставал играть. Синьоре Антонии приходилось его уговаривать:

— Отдохни немножко, мальчик. Съешь мороженого, а то оно растает.

Но так хорошо бывало только по вечерам, а ведь до этого длился и длился пустой нескончаемый летний день, когда все кругом были заняты, кроме Нандо...

Но вот однажды синьора Антония отвела Нандо в сторонку:

— Ты еще не расхотел ехать в училище? — спросила она лукаво.

— А неужели?.. — захлебнулся Нандо от счастья.

— Вот тебе и неужели, — засмеялась синьора Антония, — завтра поедешь! Тебя приняли.

Легко было это сказать, а каких трудов стоило синьоре Антонии, чтобы Нандо приняли в училище! Но она добилась своего. С Нандо обещали брать за обучение половинную плату. Но и это была огромная сумма по масштабам Сан Лоренцо. Одной семье ее не наскрести. Однако синьора Антония вышла из положения. Она взяла большой чистый лист бумаги и попросила свою дочку Джованну, которую она недаром столько лет учила в школе, написать покрасивее наверху листа:

«На обучение Нандо в училище слепых.

Семья Армади: Антония, Марио и Джованна — 3000 лир...»

В сопровождении хвоста ребят синьора Антония решительно зашагала по лестницам.

К вечеру обе стороны листа были заполнены цифрами и подписями. Когда синьор Марио подсчитал, оказалось, что можно заплатить вперед за полгода. Ну, а через полгода синьора Антония снова обойдет Сан Лоренцо.

— Если мы, бедные люди, не будем помогать друг другу, — говорила синьора Антония, деловито собирая скудные пожитки Нандо, — кто же нам поможет? А тебе следует с первых дней подумать, чему ты хочешь учиться. Я советую тебе — учись музыке. У тебя есть способности. Да, чуть не забыла — с тобой хочет поговорить Нино.

Верные друзья, Джованна, Джиджино и Марко, проводили Нандо к кузнецу. Разговор с Нино оказался совсем коротким. Кузнец снял со стенки футляр с аккордеоном и сказал:

— Я играю плохо и, видно, никогда не научусь играть лучше. А у тебя это дело получается, как у настоящего артиста. Так что, сделай милость, бери эту штуку себе.

В день отъезда Нандо в Сан Лоренцо, на перекрестке улиц было людно и шумно. Явились даже те, кто работал, — Чезаре в белом переднике, пахнувший горячим хлебом, и Марко, перепачканный красками всех цветов. Джиджино не преминул похвастаться:

— Это я пристроил Чезаре в пекарню, к моему двоюродному брату. Он пока работает мальчиком на посылах.

Чезаре улыбнулся.

— Пока мальчиком, а потом, может, дойду и до пекаря.

Нандо вышел из дома, сопровождаемый синьором Марио и Джованной. За спиной слепого висел аккордеон, подарок Нино.

Мальчик пожал бесчисленное множество дружеских рук. Тут были не только санлоренцийцы. Пришла почти вся ватага Сан Джованни во главе с Леонэ.

— Вы не забудете меня, приедете навещать? — говорил Нандо. — Ведь езды всего полчаса поездом.

— Приедем! — отвечал за всех взволнованный Марко. — По воскресеньям обязательно будем тебя навещать. А ты смотри, будь настоящим санлоренцийцем. Держи нос выше!

— Пиши нам чаще, — сказал солидно Беппоне, но тут же спохватился. — Нет, не надо. Я и так с трудом читаю печатное, а тут еще письмо с разными загогулинами...

Синьор Марио, который должен был провожать Нандо до самого училища, отдувался и пыхтел в своем новом праздничном костюме.

— Когда, наконец, приедет твой отец? — спросил он у Беппоне.

Отец Беппоне предложил свою грузовую повозку, чтобы все ребята могли проводить Нандо на вокзал.

Вскоре он подъехал и закричал охрипшим голосом:

— Эй! Садитесь! Живо! Но будьте осторожны, моя кобылка сегодня капризничает, — и он в подтверждение своих слов хлестнул смиренно стоящую лошадку; та в ответ только махнула хвостом.

Ребят не надо было дважды приглашать. Джованна, Марко, Джиджино, Пертика, Раджоньере, Беппоне, Леонэ мигом забрались на повозку. Затем сели и синьор Марио с Нандо.

Синьоры Антонии не было. Видно, она не хотела подорвать свою славу решительной и суровой женщины и предпочла остаться дома. Провожая Нандо, она на пороге звонко расцеловала его в обе щеки и сразу же скрылась за дверью, чувствуя как на глаза набежали непрошенные слезы.

На повозке стало тесно. Наступали последние секунды прощанья, и Нандо уже раскрыл рот, чтобы произнести давно приготовленную и вытверженную наизусть речь. Он хотел сказать:

«Благодаря вам я стал таким же мальчиком, как все другие. Благодаря вам я не чувствую себя больше ни одиноким, ни несчастным. Вы научили меня понимать, что такое дружба, научили и многим другим прекрасным вещам, о которых я раньше ничего не знал. Никогда этого не забуду...»

Но к горлу мальчика подступил предательский ком, — Нандо не мог вымолвить ни звука. Выручила лошадь. Она рванулась вперед, и Нандо успел только крикнуть:

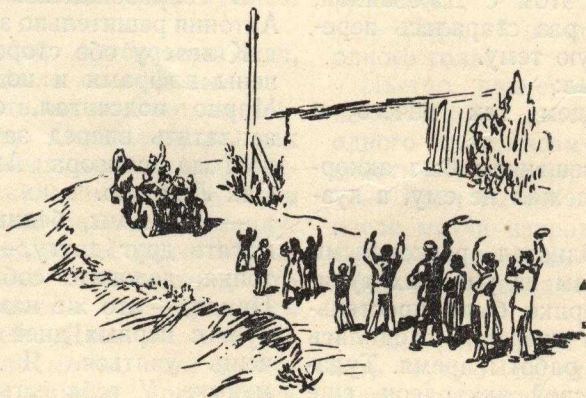
— Спасибо вам!

Старая дребезжащая повозка покатилась по улице. Позади нее бежала целая толпа ребятшек. Они что-то кричали и махали руками.

Тогда Нандо снял с плеча аккордеон и растянул меха.

Услышав знакомую мелодию веселой песни, ребята сразу подхватили ее.

Так они и ехали по улицам Сан Лоренцо, и не было ни одного человека, который, встретив их, не улыбнулся бы и не помахал рукой.

ГЕНЕРАЛ КОММУНЫ

Д. Гранин

История знает немало людей, каждый день жизни которых служит примером доблести и чести. Одним из таких людей, бесстрашно отдавших себя службе Революции, был Ярослав Домбровский.

Судьба его удивительна. Ему довелось участвовать в величайших событиях истории. Он был учеником и другом Чернышевского и Гарибальди, Герцена и Виктора Гюго, коммунаров Варлена и Делеклюза. Вожди Революции Маркс и Энгельс знали и уважали Домбровского.

Он родился в ноябре 1836 года в Житомире, в семье польского чиновника. Девяти лет его отдали в Брест-Литовский кадетский корпус. В те времена Польша была частью России. Польский народ страдал под двойным игом — своих помещиков — шляхтичей и самодержавного русского монарха. Царь жестоко подавлял попытки патриотов-поляков сделать независимой и свободной свою родину.

Однажды в Брест-Литовский корпус приехал Николай I. В парадном зале недвижной шеренгой выстроились кадеты. Царь, затянутый в узкий мундир, с надменной важностью шагал вдоль строя. Вдруг он остановился. На каменном его лице возникло подобие улыбки. Не сгибая стана, прямой как столб, он приподнял перед собой на вытянутых руках, словно куклу, маленького белокурого кадета.

— Как фамилия?

— Домбровский, ваше величество.

— Поляк! — поморщился царь. Пальцы его презрительно разжались. Мальчик упал на каменный пол. Самодержец продолжал обход.

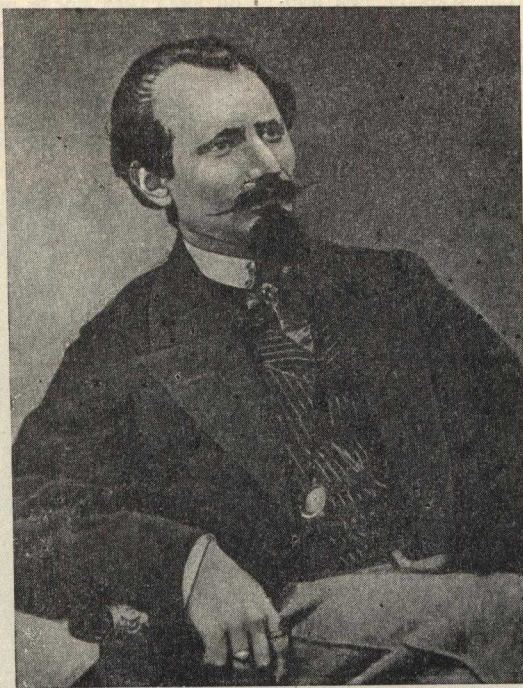
Так впервые встретился Домбровский с царем. В корпусе он на себе изведal царские порядки. Его пороли, сажали в карцер, оставляли голодным за любую провинность, но чаще всего за то, что он поляк.

Это была жестокая школа ненависти к самодержавию.

С 1851 года Домбровский — в Артиллерийской академии в Петербурге. Он знакомится со многими русскими офицерами, которым тоже ненавистно самодержавие. Русские друзья не покинут его до последних дней жизни!..

Уже офицером, после принудительной службы на Кавказе, Домбровский добивается, наконец, назначения в Варшаву.

Польские патриоты вводят его в состав тайного Центрального революционного комитета. Русские революционеры помогают Домбровскому организовывать восстание. Но Домбровского арестовывают.

Ярослав Домбровский (1836—1871)

Глухая тюремная камера. В квадрате окна сквозь прутья решетки — кусочек голубого неба. Ни книг, ни бумаги, ни прогулок. Холоднее. Стена в инее. Надо бегать по камере, чтобы не заоченеть. А вести с воли?.. Изредка приносит их Пеля Злещинская, храбрая подруга Ярослава. Горькие вести. Восстание польских революционеров подавлено. Товарищи в тюрьмах. Что впереди? Кандалы, Сибирь...

И снова Домбровскому помогли русские революционеры. Помогли бежать. В женской кофте и юбке, потом — в мундире немецкого полковника бежит он в Москву. Здесь друзья! Они и Пелю выручили из ссылки. Вместе с Пелей Домбровский тайно пробирается во Францию.

Париж — сердце Революции. Здесь в боях рождается Свобода. Домбровский пишет: «И косы становятся страшным оружием, когда они в руках революционных воинов». Парская полиция

преследует его. «Домбровский преступник! — вопят шпионы. — Выдайте его России!»

Снова Ярослав в тюрьме, на этот раз — во французской. Но то были дни, ломавшие замки тюрьмы. Париж был весь, как кипящий котел. Разгромом только что кончилась для Франции война с Пруссией. 18 марта 1871 года над Парижем взвилось красное знамя Коммуны. Впервые в мире власть в стране взяли в руки пролетарии. Главари буржуазного правительства бежали от гнева народа в Версаль. Их трусливый и злобный вождь Адольф Тьер искал защиты и милости у Пруссии.

В грозные и величественные дни борьбы Коммуны за судьбу Франции и счастье народа мы видим Ярослава Домбровского среди ее отважных героев. Он — командир укрепленного района Парижа, потом — командир Западного фронта. Он становится, наконец, фактически главнокомандующим всех войск Коммуны.

Бойцы Коммуны, мастеровые, рабочие были людьми беспримерной храбрости, но даже среди них ходили легенды о необычайной отваге «маленького поляка». Его невысокая стройная фигура в синем генеральском мундире всякий раз появлялась перед бойцами там, где бушевал огонь, где мужество нужно было в опоре и вдохновении.

...Глубокой ночью у поселка Нейн через крепостной ров бесшумно опустились мосты. 70-й батальон коммунаров двинулся вперед. Их встретили губительным огнем. Версальцы били с трехсот метров! С форта Мон-Валериан ударили орудия. Батальон залег перед крепостным рвом. Вдруг взмыла ракета, и в ее трепетном зеленом свете коммунары увидели Домбровского. Он шел через мост

быстрым ровным шагом, помахивая пистолетом. Батальон поднялся, бегом миновал мост и бросился в штыки...

Домбровский знал: оборона — смерть вооруженного восстания. Он требовал от Коммуны смелых действий. Но в Коммуне не было руководящей партии рабочего класса, не было потому ни решительности, ни единства. Тьер успел собрать под стенами Парижа огромную армию и перейти в наступление.

Домбровский располагал всего несколькими тысячами солдат, плохо вооруженных, необученных, пушки заряжали камнями. Кругом шныряли версальские шпионы. И все же — коммунары насмерть стояли в неравных боях.

Тьер не раз пытался подкупить Домбровского. Он обещал Домбровскому миллион франков, если тот откроет версальцам ворота. Он обещал его семье, его друзьям пропуск на выезд из Франции.

— Передайте вашему хозяину, что пропуск дала мне Коммуна, — отвечал Домбровский, похлопывая по эфесу своей сабли.

Поляк, который сражался за победу французских пролетариев, поляк, для которого защита Коммуны стала делом личной жизни, Домбровский был действительно страшен для врагов народа и Революции. Ведь вместе с ним под знамя Коммуны встали польские и русские революционеры!

Буржуазия всячески старалась оклеветать солдат пролетарского Интернационала. Рассвет заставал на стенах парижских улиц злобные карикатуры, листовки:

— Домбровский — немецкий шпион!

В Коммуне были разные люди. Иные из них малодушно поверили слухам. В мае, когда версальцы, благодаря предательству, ворвались в Париж и борьба завязалась на баррикадах, среди членов Коммуны возник разброд. Домбровского обвинили в измене. Пусть это сделали один-два человека, пусть тысячи парижан попрежнему верили своему генералу, Домбровский должен был отстоять честь солдата Великой армии Интернационализма. Он не мог пренебречь этой позорной грязной клеветой, ведь она шла не от врагов, а от людей, носивших мундир Коммуны. Единственно, чем он мог в эти дни доказать всем свою преданность Коммуне, это смертью на баррикадах. Так он и решил для себя.

К тому времени армия Коммуны распалась. Солдаты защищали свободу Парижа каждый в своем

квартале, на своей улице. Домбровский уже не был главнокомандующим. Он мог распорядиться своей судьбой, как угодно. Домбровский любил свою Родину, он знал, что жизнь его нужна Польше, он мог многое сделать для освобождения своего народа, но он знал, что после разгрома Коммуны враги будут всячески порочить великую идею международного братства рабочих всех стран.

И он решил выполнить свой долг до конца. Он остается с рабочими на баррикадах. 23 мая версальские дивизии подходят к Монмартру — сердцу пролетарского Парижа. Домбровский там. Он вер-

хом мчится от баррикады к баррикаде, он вместе со своими солдатами наводит пушки.

В этот день на Монмартрской баррикаде его настигла пуля. Он искал смерти, он нашел ее.

Похороны Домбровского происходили в разгар сражения, накануне гибели Коммуны. При свете факелов тело героя, обвернутое в красное знамя, везли на лафете мимо сражавшихся на баррикадах. Отряды коммуна-

ров отдали последний долг своему генералу залпами в версальцев.

— Этот человек, — сказали товарищи Домбровского на его могиле, — погиб в бою за Коммуну... Поклонимся же, что мы уйдем отсюда лишь затем, чтобы умереть!

И после смерти Домбровский продолжал сражаться за Коммуну...

В дни войны испанского народа с фашизмом, в 1939 году, в Испанию, на помощь республиканцам, приехали люди разных национальностей, но одинаковых убеждений. Интернациональная бригада героически сражалась за свободу испанского народа. В составе ее был батальон имени Ярослава Домбровского.

С именем Домбровского сражались с фашистами польские партизанские отряды во время Второй мировой войны.

Имя Домбровского присвоено польской Военной Академии и многим предприятиям страны...

Каждый год, в мае, парижские рабочие шествуют к стене коммунаров, у кладбища Пер-Лашез. Они возлагают венки на могилу Коммунарлов. Среди портретов в рядах демонстрантов всегда возвышается портрет Ярослава Домбровского. Он здесь, вместе с французскими коммунистами, их гордость, он вместе со всеми, кто борется за свободу!

Баррикады на площади Бланш

МЕСТА, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Пионерская эстафета

Этим летом пионеры 1-го городского лагеря Кировского района увидели в Музее истории Ленинграда электрифицированный план города. На светящемся стекле темными полосками были обозначены улицы, красными флажками — места, где в Октябрьские дни находились райкомы партии, и звездочками — штабы отрядов Красной Гвардии.

Схема заинтересовала ребят. Ведь она рассказывала о революционном прошлом Кировского района, того самого района, в котором они живут, учатся.

Возникло много вопросов: где, на какой улице находилось то или другое примечательное здание и что сохранилось с тех пор?

Научный сотрудник пригласил ребят в кабинет. Завязалась увлекательная беседа, и она послужила началом важного дела: ребята решили провести эстафету по историческим памятным местам Великого Октября. И то, что было задумано в лагере, ребята продолжают в школе.

Красный флажок и красная звездочка обозначают на электрифицированном плане лишь два революционных памятника за старой Нарвской заставой. Но на самом деле, может быть, их больше?

Пионеры бывшей Нарвской заставы решили хорошо изучить свой район, собрать старые фотографии, записать рассказы старожилов. Они призвали ребят других школ города начать изучение памятных мест в каждом районе.

Вскоре в пионерском дневнике появилась запись: «Новосивковская улица, дом 9. Здесь в 1917 году помещался штаб красногвардейских отрядов Нарвской заставы». Дом № 9 (теперь № 23) на Новосивковской улице был найден. Пионеры узнали, что незадолго до февраля 1917 года райком занимал конспиративную квартиру на Счастливой улице. Улицы этой сейчас не существует. Ее сменила новая магистраль. Но место, где помещался подпольный райком, ребятам помогли разыскать старые коммунисты — бывшие путиловцы, участники Октября — Михаил Павлович Решетов, Андрей Александрович Фомин, Александр Сергеевич Рыбаков.

В дневнике пионеров появилась фотография: скромный небольшой дом на Петергофском шоссе (ныне проспект Стачек).

Под фотографией подпись: «В этом доме № 2 на Петергофском шоссе в августе 1917 года заканчивал свою работу VI съезд партии, вынесший историческое решение о подготовке вооруженного восстания против власти буржуазии».

Давно уже здесь стоит огромное здание Дома культуры имени Горького. И лишь старожилы помнят скромную, мало приметную школу, где тайно собирались делегаты VI съезда партии.

Узнали пионеры, что на съезде как делегат выступал молодой коммунист — один из организаторов питерского комсомола — Вася Алексеев. Жил он в ту пору в деревне Емельяновке (ныне Алек-

сеевка). В этой деревне, как сообщили ребятам, можно и теперь повидаться с сестрой Васи.

Тут и возникла мысль самим посетить сестру Алексеева, расспросить ее о событиях Октябрьских дней, о Васе, о его товарищах.

Пионеры не знали, как зовут сестру Васи Алексеева Наташа Баранова, Галя Балабанова, Галя Аксенова и Валерик Казаков отправились в деревню. Расспросы привели их к небольшому домику, где живет Мария Петровна Богданова.

В этот день пионеры никак не могли уйти от Марии Петровны: ведь она рассказывала, как ее брат разбрасывал листовки, спасался от полицейских, тонул в болоте, скрывался в лесу.

На прощанье Мария Петровна посоветовала пионерам посетить Василия Васильевича Васильева — товарища ее брата, старого путиловца.

Через несколько дней в дом В. В. Васильева пришли посланцы пионерской эстафеты. Внимательно слушали ребята рассказ о том, как Васильев и его товарищи в августе 1917 года охраняли здание школы, где проходил VI съезд партии. Теперь этот рассказ записан в дневнике пионеров.

Много редких фотографий разыскали пионеры. Есть у них снимок старого Путиловского завода, во дворе которого 12 мая 1917 года выступал Владимир Ильич Ленин; фотография Лаутеровой дачи — места маевки и демонстраций рабочих Нарвской заставы; дома № 6 в Огородном переулке, где у путиловского рабочего Б. И. Зиновьева бывал Ленин; дома № 88 напротив Кировского завода, где помещалась рабочая касса и происходили встречи товарищей по революционной работе, и другие фотодокументы. Юный фотограф Юра Зеленцов сделал снимки памятников и мест, где в ту пору находились исторические здания.

В дневнике пионеров появился раздел: «Раньше и теперь».

Так, улицы Кировского района, его здания, сады, словно страницы удивительной книги, раскрывают перед пионерами героическую историю Великого Октября.

Но ведь такая же интересная история и у других районов. Много новых, важных сведений по истории Октября могут собрать в нашей стране пионеры!

«Дорогие пионеры из всех городов и сел, куда придет журнал «Костер»! Призываем вас подхватить нашу пионерскую эстафету — изучать памятные места Октября. Может быть, сообщая мы разыщем памятники, которые будут дороги каждому. Может быть, к сорокалетию Великого Октября мы напишем интересную книгу о том, что увидим и узнаем во время этих поисков».

*Пионеры Кировского района Ленинграда:
Баранова Наташа, Казаков Валерик,
Балабанова Галя, Аксенова Галя,
Вишневский Слава и другие.*

К ЧИТАТЕЛЯМ

Редакция ждет ваших сообщений и писем. Пишите, что довелось вам узнать о вашем городе или селе, о людях — участниках великих событий Октября 1917 года.

ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЯ В МАРКАХ

В центральном музее связи имени А. С. Попова можно увидеть золотые и серебряные медали, хрустальные вазы и почётные дипломы. Это — награды, которые Советский Союз получил на международных филателистических выставках в Швейцарии, Египте, Германии и других странах.

Посмотрите на наши марки. Разве скажешь, что это — простые знаки почтовой оплаты? Каждая советская марка похожа на своеобразный маленький плакат, рассказывающий о незабываемых днях истории нашей страны.

Но альбом марок — не просто собрание красивых картинок. Ведь марки могут быть иногда внешние и совсем не примечательными. Но зато как много расскажут они тому, кто научился их читать, как самую интересную и увлекательную книгу.

Первые советские марки не были еще такими яркими и нарядными, как сейчас. Да и появились они вовсе не в тот же день, как произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Страна наша сразу оказалась в огне битвы. До марок ли было в такое время!

Только в августе 1921 года появились марки молодой Респуб-

лики Советов. Вот одна из них перед вами: освобожденный пролетарий, победивший гидру контрреволюции.

К пятилетию Советской власти было решено выпустить новые юбилейные марки. Для этого объявили конкурс на лучший рисунок.

В те дни в Москву вернулся демобилизованный из Красной Армии молодой художник Иван Иванович Дубасов. Он бродил по городу в поисках работы. И вдруг Дубасову попало на глаза объявление о конкурсе на рисунки для новых марок.

«А что, если попробовать?» — подумал художник. И в этот же день Дубасов принялся за дело.

Несколько дней просидел он за работой. Рисовал, по несколько раз, переделывал и начинал заново.

Наконец, он отложил карандаш в сторону. Казалось, все было хорошо. Но тут обнаружилось новое затруднение. Рисунок надо

ПЧЕЛА

С улицы влетела
В комнату пчела
И себе дороги
Дальше не нашла.

Слёту головою
Бьётся о стекло.
И понять не может,
Что произошло.

Роща перед нею
И цветущий луг,
Где сейчас летают
Тысячи подруг...

У пчелы заботы,
У пчелы дела,
И жужжит сердито
Пленная пчела.

Отложу задачник,
Подойду к окну
И перед пчелою
Створки распахну.

Пусть летит на волю
Пленница моя!
Всех, кто занят делом,
Уважаю я.

Е. Фейербэнд

ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЯ В МАРКАХ

было раскрасить, а Дубасов не имел не только красок, но и денег на покупку их. И тут изобретательному художнику пришла мысль — вместо красок приготовить раствор марганцево-кислого калия, который случайно нашелся в домашней аптечке. Получилось неплохо, и Дубасов решил попытаться счастья.

Рисунок молодого художника очень понравился жюри конкурса. На нем был изображен рабочий, который на мраморной доске выбивает надпись:

«РСФСР — 1917—1922»

И ко дню пятой годовщины Великого Октября была выпущена целая серия марок с рисунком

Дубасова. Марки были разного цвета и разной стоимости. А Иван Иванович, вот уже скоро тридцать пять лет, не перестает делать все новые и новые рисунки для советских почтовых марок.

С тех пор в нашей стране выпущено почти две тысячи марок! И самые красивые среди них те, которые посвящены годовщинам Великого Октября.

На некоторых из этих марок — портрет нашего бессмертного учителя В. И. Ленина. На других — различные эпизоды великих событий Октября 1917 года. Большинство марок рассказывают о трудовых и боевых подвигах советских людей, о силе могучего Советского государства и дружбе народов всех стран.

Собирайте советские марки, и перед вами предстанет история родной страны, указавшей в Октябре 1917 года всем народам путь к коммунизму!

М. Максимов

СКОЛЬКО МОЖЕТ БЫТЬ ПОЗИЦИЙ

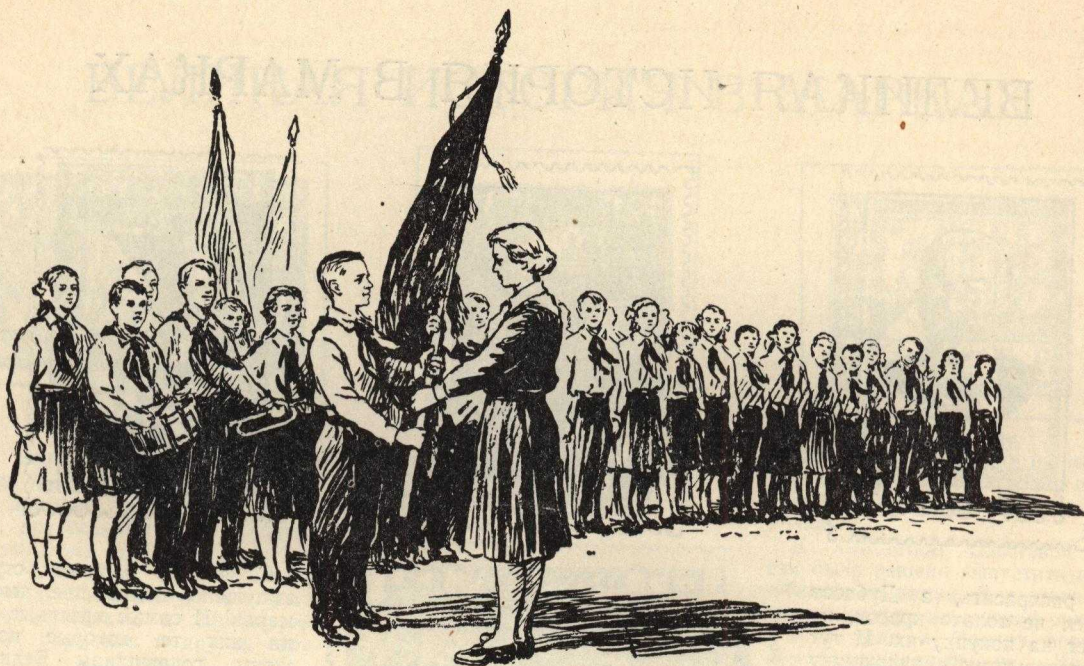
В прошлом веке один досужий математик и шахматист, некто Шуринг, занялся вычислением: сколько же может быть различных позиций на 64-клеточной доске при 32 шахматных фигурах.

В результате многолетней ра-

боты оказалось, что число это составляет 7534 октильона 686 312 сентильона 361 225 секстальонов 327 000 квинтильонов, что выразится 52 цифрами, а именно: 7 534 686 312 361 225 327 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000.

Шуринг разослал письма во все страны мира, где были известны шахматы, с сообщением о своем «открытии» и просьбой проверить данное число.

Желающих проверить не оказалось.

ПОДВИГ ВОЛОДИ КУДЫШЕВА

П. Далецкий

Рисунки В. Сердюкова

В вечерний час за столом сидели двое. Погода была малоприятная: сырой ветер со взморья гнал тучи — на улицу не хотелось, на реку — тоже, сидели и разговаривали. Разговаривали о том, о чем нет-нет да и тянет поговорить... О подвигах.

Как складывается характер героя? Обыкновенный он человек или не обыкновенный? Каждый может совершить подвиг или не каждый?..

Иван Иванович, хозяин, сказал:

— Я убежден, подвиги совершаются каждый день, но о них мало кто знает. Изредка попадет какой-нибудь случай в газету... Подвиг — как чудесный цветок, который расцветает вдруг. Расцветет и все вокруг осветит своим сиянием.

Гость, Юрий Петрович, допил чашку чая и задумчиво произнес:

— Я уйду в отпуск... Как мне его провести? Брат советует: «Бери ружьишко... Лесная да озерная глушь... сразу поздоровеешь на сотню килограммов». Совет брата хорош, но сейчас в голову мне пришло вот что... Поеду-ка я по нашей стране... на охоту... но только не за птицей, не за зверем, а за чудесным подвигом человеческим.

Эта идея очень увлекла Юрия Петровича. Вскоре он привел в боевую готовность фотоаппарат, купил блокноты, набор карандашей и через неделю оказался в Москве в Центральном Комитете комсомола.

Здесь Юрий Петрович рассказал о том, что его интересует, и ему показали большую книгу в кожаном темнокрасном переплете. «Книга почта пионерской организации имени В. И. Ленина» — было написано на ней золотыми буквами.

Кто же занесен в эту книгу? На первой странице Юрий Петрович прочел: «Морозов Павел... за помощь советской власти в деле коллективизации». Всего три строчки. Но сколько за этими строчками величия, какая сила молодой души!

На третьей странице черной тушью было выведено: «Володя Кудышев, ученик Первомайской семилетней школы Макарьевского района Костромской области... за спасение знамени пионерской дружины, горна и барабана из горящей школы».

«Да, это подвиг, — подумал Юрий Петрович. — Что же представляет собой Володя Кудышев, как он вынес знамя из горящей школы?»

Так определился отпускной маршрут Юрия Петровича. В Костромскую область, в поселок Первомайский!

Следующий день он провел в поезде Москва—Кострома, из Костромы самолетом долетел до Макарьева, а из Макарьева отправился на ГАЗ-69...

Дорога шла лесом. Вокруг пышные липы, тонкие рябины, кусты ольхи. Тянуло запахом прелого листа, тем самым запахом, который говорит, что лес полон грибов.

Хорошие места!

За переправой через Унжу — поселок леспромпхоза. Там и живет Володя Кудышев...

В поселке сразу указали, где найти директора школы — Юрия Александровича Смирнова.

Директор встретил гостя без улыбки: нервное, ревизор...

— Здравствуйте, здравствуйте, — говорил он неопределенно. — Устали в дороге?.. Места-то у нас живописные, но ехать далеко-далеко...

Юрий Петрович рассказал директору, как случилось, что он приехал в Первомайский.

Директор несколько раз прошелся по комнате.

— И блокноты взяли и карандаши, — сказал он, — писать о нем хотите. А нужно ли? Не повредило бы это Кудышеву. Прочтет о себе, зазнается. А он у нас не отличник...

— Не отличник?

— Да, над книгой не всегда усидчив, а вот физкультурой увлекается. Команды выполняет четко, приятно смотреть. В свободное время всегда что-нибудь мастерит. У него в сараюшке набор хорошо высушенных плашек, тут вы найдете и ольху, и березу, и клен... Если нужно сделать топорище, не беспокойтесь, ручку выстругает так, что топорище прямо прильнет к руке... Нынче принес домой четыреста рублей — заработал на окорке деревьев. И коров умеет пасти. Хороший он у нас. Словом, одна беда: не отличник, — закончил директор.

...Вечером 27 декабря Володя лег поздно: мастерил паровозик для младшего брата. Паровозик получился на славу, надо было только найти подходящую пружинку для завода.

Проснулся от крика: «Школа горит!»

В ту же секунду Володя был на ногах. Подскочил к окну. Вставала огненная заря. И через все небо клубился живой розовый дым.

Володя мигом обулся, накинул на плечи ватный пиджачок и — к школе.

У школы — толпа. Несколько человек пытались проникнуть в помещение через дверь, но коридор пылал.

— Через окна, через окна!..

Зазвенело стекло, затрещали рамы... Володя перемахнул через подоконник и оказался в классе.

В коридоре бушевал огонь, горели стены и потолок, едкий дым перехватывал дыхание. Взрослые выносили парты.

— Библиотека! — не своим голосом кричал Володя и бросился к окну. — Ребята... библиотека! Становись конвейером!

Вслед за Володей в школу полез Коля Волков и другие школьники. Хватали книги, передавали друг другу.

Огонь подступал.

— Скорее, товарищи, скорее!

Несколько раз Володя подбегал к окну вдохнуть чистый воздух. Во дворе маленькие школьники громко плакали:

— Ой, школа, ой, наша школа!

Парты, вещи, книги оттаскивали подальше от пожара. Спасли почти все имущество.

— Вылезай, вылезай, — крикнули Володе, — сгоришь!..

Володя выскочил на снег. Пламя стояло высоко над крышей, ровное, оранжевое, и если бы оно не было пламенем бедствия, на него можно было бы заглядеться.

Сквозь толпу Володя пробрался к своим одноклассникам, но вдруг услышал голос учительницы третьего класса Галины Александровны.

— У меня в классе, в пионерском уголке, знамя!

На скромно свернутое знамя никто не обратил внимания. Забыли!

Володю точно обожгло. В несколько прыжков он был у окна.

— Куда? Стой! Не пускайте его! Сейчас крыша рухнет!

Но Володя уже исчез в дыму.

Пригнулся... Вот одна дверь, вот вторая. Только бы добежать до той стены... В ровное шипенье огня ворвался треск — что-то ухнуло в коридоре.

Назад? Ни за что! Он — пионер! Когда он давал торжественное обещание, рядом с ним стояло это знамя.

Вот, наконец, и третий класс. Знамя цело! Тут же горн, барабан...

Схватил — и назад. Низко пригнулся, почти пополз. «Должен успеть, должен!» Дорогу преградила горящая дверь. «Проскочу!»

Наконец, окно! Глоток свежего воздуха... За окном — Коля Волков. Перебросил ему

знамя; соскочил, сделал шага два... за спиной страшный грохот: рухнула крыша.

...В небольшом аккуратном домике Кудышевых Володи не было. Юрий Петрович сел на крылечке ожидать. Из разговора с матерью узнал, что отец семьи — слесарь паровозного депо, что старший сын в армии, две дочки кончают семилетку; третья работает в леспромхозе, четвертая собирается в техникум в Юрьевец.

Володю Юрий Петрович узнал сразу. Мальчик шел неторопливо, серые глаза его смотрели внимательно.

— Здравствуйте! — сказал он. В руках его корзина ягод и букет цветов.

— Цветы для Вали. Она у нас кроликов разводит. И до чего эти кролики умные: как увидят ее, сразу мордочки поднимают и подкапываются под ноги...

Юрий Петрович пошел с Володей на Унжу. Река катила серовато-голубую волну, и пахла эта волна лесной чащей.

— Любишь реку?

— Еще бы! Да вы знаете, какую здесь стерлядь берут!

— Рыбачить любишь?

— Неужели нет!

Тут окунь, плотва, а щуки прямо по локоть.

— Я слышал, у вас школа сгорела?

— Сгорела. Давно. Еще зимой. Теперь новую строят. Лесу навезли! На большую школу хватит.

— Будете помогать строить?

Володя посмотрел на Юрия Петровича с некоторым изумлением:

— Школа же для нас!

— Слыхал, ты игрушки братику мастеришь?

— Ну какие там игрушки!

— Посмотреть их можно?

— А как посмотреть? Я делаю, Витька делает.

Подошли к тому месту на берегу Унжи, где навалом лежали стволы. Здесь Володя работал на очистке стволов — окорке; при-

брежный песок сплошь покрывала мягкая вялая кора.

— Володя, а какие деревья легче всего корить?

Мальчик даже удивился: «Неужели сам не знает?»

— Конечно, сосну.

— А труднее всего березу?

— Березу. Да нам березу не дают, боятся — запорем.

И дальше разговор шел такой же спокойный и обстоятельный.

— Ты в пионеры когда вступал?

— В 53 году, в апреле, 22-го, когда Ленин родился...

— Как тебя принимали?

— А как всех... перед знаменем. Старшая вожатая рассказала нам про Юрия Смирнова, Героя Советского Союза. Он из нашего района... И сказала, что мы должны быть похожи на него.

— Ну и что, ты похож?

— Скажете тоже! Он герой, а я что?..

...Теперь Юрий Петрович знал: то, что Володя спас знамя, не было случайностью. Вдумчивый, решительный мальчик. «Очень

хорошо, что я с ним познакомился, — думал Юрий Петрович, — приеду и расскажу эту историю Ивану Ивановичу...»

Через несколько лет Володя Кудышев вырастет. Может ли он не быть достойным строителем нашего общества? Будет достойным, будет!

...Летом на центральной площади в Костроме открылся пионерский слет.

Линейным, определяющим движение знаменной группы, шел Володя Кудышев. Игнали оркестры, развевались алые знамена.

В последний день слета линейка выстроилась опять на той же площади. С трибуны раздался громкий голос:

— Спускать флаг поручается Владимиру Кудышеву, который спас пионерское знамя из горящей школы и занесен в «Книгу почта Пионерской организации».

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ ЧУГУНА

Е. Поляков

Случилось это лет двадцать пять назад. В глуbine Оленьей тундры, на Кольском полуострове геологи вели разведку полезных ископаемых. Поиски долго ни к чему не приводили. Вдруг внимание геологов привлекло странное поведение компасов. Стрелки не желали поворачиваться на север.

Магнитная аномалия!

Произошло это вблизи невысокой горы Мурпаркменч. Так ее называли местные оленеводы — саами. По-русски Мурпаркменч значит — «Гора шелестящих листьев». Карликовые березы, росшие на ее пологих склонах, действительно все время шелестели блестящими, точно лакированными, листочками. С вершины горы далеко было видно тундру, похожую на бескрайний нежнозеленый ковер. Под лучами незаходящего летом солнца сверкали бесчисленные зеркала озер.

Компас навел геологов на железную руду.

«Гора шелестящих листьев», казалось, была начинена ею. Геологи боялись верить удаче. Лишь тонкий слой почвы скрывал бесценный клад от глаз человека. Руды оказалось столько, что ее могло хватить на добрую сотню лет для десятка самых больших доменных печей.

Однако радость была недолгой. Вскоре выяснилось, что руда бедна железом. А в те годы считалось, что такие руды разрабатывать нет смысла. И гору Мурпаркменч оставили в покое.

Но стране нужно было железо. Очень много железа. Везить же его часто приходилось издалека. Почти два с половиной столетия строились в Ленинграде заводы. И чтобы они ни изготовляли — турбины или станки, корабли или подъемные краны, ученические готовальни или школьные перья — для всего нужен был металл. И Ленинград все настойчивее требовал. «Больше металла! Больше металла! Больше!»

А где его взять? Только на Украине, на Урале да в Сибири.

Вот и приходилось гонять поезда из одного конца страны в другой, а все, что делали в Ленинграде из металла, обходилось очень дорого.

Какой же был выход? Ленинград должен обзавестись собственным чугуном и собственной сталью.

И тут вспомнили гору Мурпаркменч... За двадцать минувших лет советские ученые нашли новые способы добычи руд — более простые и дешевые, чем раньше. Нашли способы «делать» разные руды богаче железом. Да к тому же и сам Кольский полуостров стал совсем другим.

На порожистой заполярной реке Ниве, на Туломе, на Раякоски, у Княжьей губы Белого моря пушены мощные гидроэлектростанции. В далеком и прежде казавшемся безжизненным Заполярье появились огромные горно-химические и горно-металлургические комбинаты. А вокруг них выросли новые советские города Кировск и Мончегорск.

Так была решена первая часть задачи. Руду теперь можно было везить не с Урала или из Сибири, а гораздо ближе — из Оленьей тундры.

ГДЕ ВЗЯТЬ КОКС?

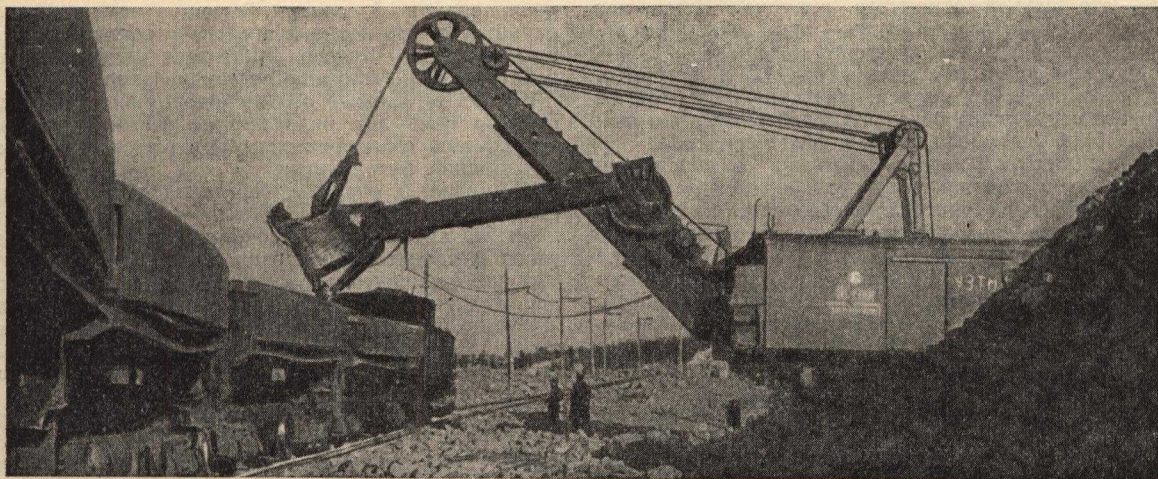
Однако, чтобы выплавить из руды металл, нужен уголь-кокс. Много угля. Но его поблизости от Оленьей тундры не оказалось. И снова пришлось задуматься: «Как найти выход?»

Это была трудная задача. Решили так: уголь добыть в шахтах Воркуты, сооруженных незадолго перед тем, и повезти его навстречу руде. А в том месте, где их пути встретятся, построить металлургический комбинат с доменными печами.

Этим местом оказался затерявшийся в лесах Вологодской области город Череповец.

Однако примечательным было не только то, что мало кому известный дотоле небольшой городок очутился на скрещении путей, протянувшихся из Оленьей тундры и Воркуты. Череповец — что очень важно — довольно близок к Ленинграду.

Едва окончательное решение было найдено, как работы закипели сразу в трех местах: в Оленьей тундре строились рудники, где добывалась руда, а рядом фабрики, которые обогащали руду желе-

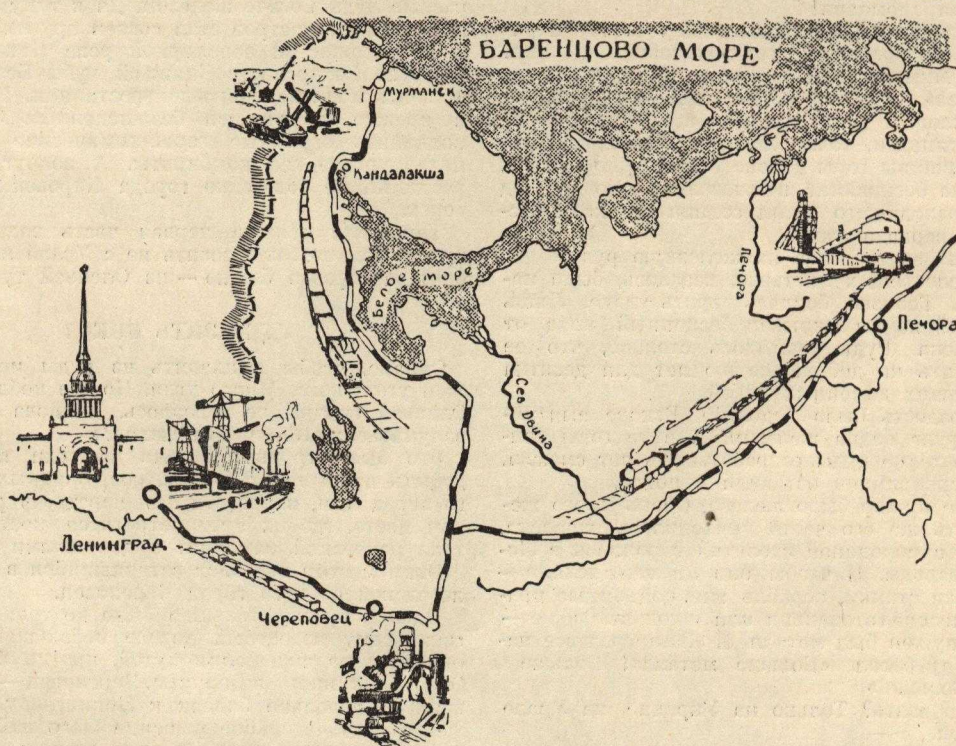

вом. В Воркуте расширялись старые угольные шахты и сооружались новые, а в Череповце возводилась первая домна будущего металлургического гиганта.

Это было в 1949 году.

НОВЫЙ ГОРОД

Мы побывали в Оленегорске. Теперь это — большой, весь в зелени, поселок, который можно смело назвать городом. Он вырос там, где еще совсем недавно лежала безмолвная тундра.

Оленегорские ребята с гордостью повели нас к горе Муриаркменч. По всему ее склону выдолблены громадные ступени — террасы. Каждая терраса — это карьер открытого рудника. Здесь нет нужды зарываться в землю — руда лежит на поверхности. Добывать ее просто и дешево.

Машины здесь необыкновенные. Вот, например, гидромонитор. Он похож на пожарный брандспойт. Но его струя воды обладает такой силой, что свалила бы с ног слона, а то и убила бы его.

Гидромониторы быстро смывают со склона горы почву и обнажают скрытую под ней руду. Наступает очередь тракторов-бульдозеров. Своими механическими лопатами, похожими на огромные ножи, они выравнивают площадку. Затем на ровное место устанавливают станки, которые стальными бурами просверливают в руде глубокие скважины.

Возникает вопрос: «Зачем же еще делать какие-то скважины, если и без того руда на поверхности. Бери сколько нужно!»

Но, оказывается, скважины нужны. В них закладывают взрывчатое вещество. Не подумайте только, что после взрыва осколки руды взлетают к самому небу, а часть горы обваливается.

Взрыв происходит таким образом, что руда только дробится, и остается на месте, ее грузят в

вагоны, и электровозы увозят составы в соседнюю долину, на обогащательную фабрику.

Там руду поджидают мощные дробилки и шаровые мельницы. Они щелкают куски руды, как белка орехи, дробят их и превращают в порошок.

Порошок этот проходит затем на фабрике еще много разных других превращений и в конце концов становится тем, что здесь называют железным концентратом. Его-то и отправляют в Череповец. Лучшей руды для доменных печей ничего и желать. Чугун получается отличный; из него можно варить сталь самых высоких марок.

ЧУДО НА ШЕКСНЕ

У меня на книжной полке стоит старенький энциклопедический словарь. Заглянув как-то в него, я нашел о Череповце всего две строчки: «Районный центр на Шексне. 21,8 тысяч жителей». Так действительно было еще совсем недавно.

Но как не похоже это на сегодняшний Череповец! За семь лет мало кому известный городок стал новым географическим центром нашей северо-западной металлургии.

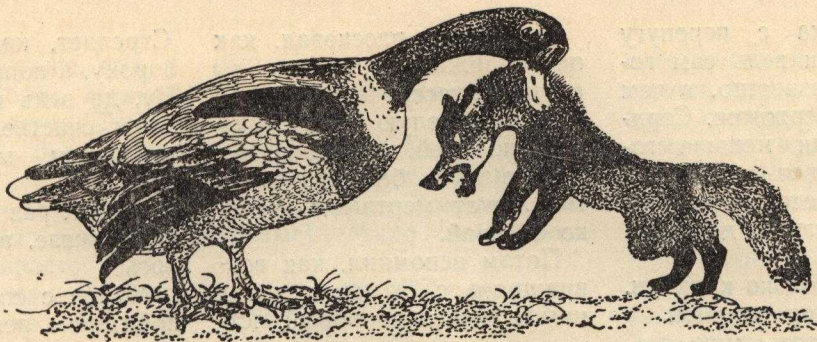
На прежней околице Череповца встали доменные печи-великаны. Рядом с ними с каждым днем все выше и выше поднимались коксовые батареи и корпуса агломерационной фабрики.

И вот уже закончено строительство первых двух домен. Ленинград получает череповецкий чугун.

Вот он на нашей цветной вклейке — новый металлургический завод. Здесь всё делают машины, и людям только остается следить, чтобы они работали, как следует.

Ленинград получил дешевый чугун, но ему нужна еще и сталь. Много стали!

И его младший брат Череповец говорит: «Будет сталь! Столько стали, сколько потребуется Ленинграду!»

У КОСТЕРКА *

В Бианки

Рисунки В. Курдова

Ходил я со стариком на охоту — в лес да на озеро.

Взяли вечернюю зорьку, — побахали, как полагается, здорово. Ну, маленько все-таки и дичи взяли. Грудок — костер это по-новгородски, — грудок, значит, распалили, утячьей похлебки нахлебались — и за чай. Хорош на грудке чаек — с дымком!

Рассказы, само собой, начались: надо же как-то ночку коротать, чуть-свет — опять на засидку.

Дед Евсей свое завел:

— У вас тут што, птица — зверь простая, обыкновенная, таких нет, как бывало у нас в Крыму. На действительной-то в Крыму я служил, так чего-чего там не навидался!

Вот, — думаю я, — начинается! Меня хоть хлебом не корми, — дай только эти самые охотничьи рассказы послушать: страсть люблю! Другие говорят: «Сказки Мюнхаузена!» А я так думаю: конечно, охотник на охоте волнуется, — ему всё не так видится, как равнодушному человеку. Бывает, конечно, и присочинит охотничек, пересолит маленько,

что называется. Эка штука! Так уж и пошла про охотников слава: дескать, всё враки! А на самом деле в их рассказах такая часто скрывается правда удивительная и редкая, какой никто из людей еще никогда и не видел. Ну и пусть — сказки. В них постоянно тоже что-нибудь да правда. Что ж от них уши-то затыкать!

Вот я и спрашиваю деда:

— А что, дедушка Евсей, что у вас там за невиданные птицы попадались?

— Дак ведь все одно не поверишь. К примеру сказать, есть там одна дикая утка. Хоть прозывается уткой, а ростом будет с гуся. Галагаз называется. А характер у той утки — прямо сказать — зверский. Углядит где в степи лисицу у норы, — сейчас ту лисицу за шиворот, об землю — да и съест. А ее нору займет, да сама там и поселится. Яйца отложит, детей выведет.

— Какая ж она на вид? — спрашиваю.

А дед Иван ухмыляется себе в бороду: «Мели, мол, Емеля, твоя неделя».

— Говорю, с гуся. Нос красный, голова, как у селезня, сама пегая. После нее у лисьей норы один лисий хвост валяется да клочья

шерсти, — этому сам свидетель. Вот те крест!

Дед Иван говорит:

— Сильных да свирепых таких у нас и верно птиц не водится. А вот мелкие есть — прямо на удивление! Мальчонка тут один, Витенька, с городу приехал, стрелнул тут по одной. Дробь у него, вишь, из гильзы выпала, так он в еловую ветку прицелился, — я рядом стоял, своими глазами видал: — бах! А с ели птешка, ну вот хоть верьте, хоть нет, ну что твоя муха. Стрекоза — та больше. И ведь что дивно-то: нежна как! Ведь сказывал я вам: патрон-то вовсе холостой, ни дробинки в нем. С перепугу, выходит, милая обомлела, от одного пустого звука. Витенька ее взял, за пазуху себе опустил, домой себе отнес, — на даче они у нас жили. На стол положил птешку, — лежит на спинке, ножками не дрыгает: вот до чего перепугалась! А потом и очухалась: вспорхнула, полетела на окно, как ни в чем и не было! Целый месяц потом у мальчика в клетке жила. Сероватенькая такая, а темячко — ну, чистый огонек!

— Кого удивлять собрался! — сердито буркнул лед Евсей, выслушав деда Ива-

* Продолжение игры «Кит Великанов». Начало см. «Костёр» № 3 и 4.

на. — Пичужка с перепугу обомлела! Так ведь сам говоришь, — неизвестно, в чем у нее и душа держится. Сердчишко-то поди меньше горшинки. А вот не угодно ли, хозяина леса, самого генерала Топтыгина, до смерти напугать?

Дед Иван только крикнул. А дед Евсей продолжал:

— В бытность мою денщиком у майора Ерошкина, однажды он в лесах медведя увидал с горы, как тот своим мирным делом занимается: камни с места ворочает, жуков там, слизняков, мышов ищет себе на пропитание. Майор Ерошкин и дерни с обоих стволов разом в зверя. А в ружье-то бекасинник был: майор за рябчиками ходил, — на них эту мельчайшую дробь зарядил — да и забыл про то.

Медведь-то, правда, под горкой был близехонько, — рукой подать. Ну, да ведь бекасинником в него хоть в упор стреляй, — ему и до шкуры не дойдет, в шерсти запутается.

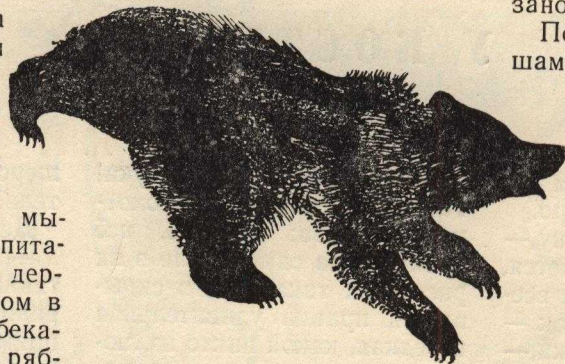
А майор ка-ак грохнет по нему, — мишка мой как подскочит, как рявкнет, кувырком через голову с кручи, там в кусты врзался — только треск пошел! Обохотались мы тут с господином майором. А потом, все-таки решили пойти взглянуть — какие он следы оставил.

Следы, прямо скажу, не красивые: медвежья болезнь приключилась с ним от испугу. Да это бы еще ладно. А спустились мы в кусты, — он тут и лежит. Мертвый как колода. Со страху помер... Вот это выстрел!

Обсудили этот случай. Потом старики свои выстрелы стали вспоминать интересные.

Дед Иван рассказал, как он однажды приметил на опушке леса, под кустом, какую-то белую птицу, ударил по ней, подошел, — в кустах пять белых куропаток лежат мертвые, — только собирай.

Потом вспомнил, как возвращался с охоты, а перед ним с земли здоровый ястреб

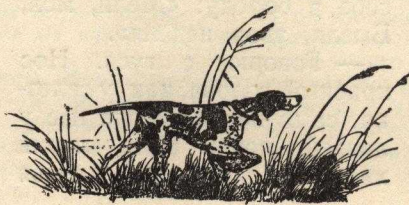
ребина поднялся. Дед Иван и выстрелил ему в спину: тетереятников этих, ястребов, он всегда истребляет, где может.

Ястреб упал, разбросал крылья. Подошел дед Иван к нему, а под ним рябая курица без головы. Принес в деревню — старуха ему и говорит:

— Наша рябуха-то! Сейчас разбойник уташил. Вот и ладно: одним выстрелом двух зайцев. И грабителя уничтожил, — вся деревня за это поклонится, — и завтра суп сварю курячий.

Дед Евсей, чтоб не отстать, опять про своего майора Ерошкина случай рассказал.

— Стрелок майор был, надо сказать, неважнецкий.

Стреляет, как говорится, в ворону, а попадает в корову. Ну, да ведь на охоте какое кому счастье. А счастье-то господину майору шибко везло.

Другой раз с ним там же, на Кавказе, вот что случилось.

Майор с собакой своей, с пойнтером легавым, на фазанов охотился.

Пойнтер подвел к камышам, стал, одну лапу поджал, — ну, как говорится, — стойка. Майор к нему подошел, послал вперед. Пойнтер шагнул, фазан из-под него — фррр! — майор — бац! Фазан летит себе преспокойно, а в камышах как зашуршит, как заорет, как захлещет! Что такое натворил опять?

Подошли, — здоровый котище лежит — бьется. Там такие камышовые коты водятся, дикие, конечно. Матерые — против наших домашних так вдвое.

Майор ему, видишь ты, вместо фазана-то весь заряд в голову закатал. Хорошо еще пойнтера не кончил тем зарядом.

С воспоминаний об удивительных выстрелах перешли на охотничьих собак.

Дед Иван рассказал про своего гончака, который так стар был, что совсем уж слепой сделался, а зайцев лучше прежнего гонял.

— Как же он в лесу о деревья не разбился? — спросил дед Евсей, покачивая головой: «Ох, мол, и заливаешь!»

— А пешим ходом, не торопясь. И заяц от него не спеша уходил. А пес все равно его на меня пригонял.

— Эко дело! — не соглашаясь и не отрицая, пробормотал дед Евсей. — А вот, слышать, у одного охотника

собака была — тоже, как у господина майора, легавая вроде только сеттер. Так та в городе над бумажками стойку делала.

— Как это — над бумажками? — не понял дед Иван.

— А очень просто. Напишет хозяин на бумажке слово «Тетерька» там, или «Бекас», а собака разыщет — и стойку. А на кото-

рых ничего такого, на те бумажки внимания не обращала.

— Эххым! Кхым! Кхы! — нещадно вдруг закашлялся дед Иван. — Комары проклятые! Мало им кров

пить, — еще и в горло забиваются почем зря. В лесу от этих кавалеров спасу нет, дома — от мух. Чуют мухи, что им недолго гулять, — такие стали злые, — хуже комаров жигают.

— Глянь-ка, — прибавил он, — уж и грудок потух. Тот комары за нас и взялись! Зорька занялась. Пора на засидку.

ОЛИМПИОНИКИ

Илья Бразнин

Самые крупные современные спортивные празднества называются олимпиадами. Имя им дала Олимпия. Что же это за Олимпия? Это древнегреческий город на берегу Алфея, самой большой реки полуострова Пелопоннеса — священное для древних эллинов место, где стоял наиболее почитаемый ими храм. В этом священном для всей Греции уголке земли и происходили каждые четыре года игры-состязания греческих атлетов. Состязания эти назывались олимпиадами, а победители их — олимпиониками.

Потом в продолжение многих веков олимпиады не проводились. Их возобновили лишь в 1896 году, когда от солнечных лучей зажгли огонь и эстафетой пронесли его от Олимпии до Афин. Здесь, в столице современной Греции, и разыгрались первые олимпийские игры современности.

Одно из самых трудных состязаний в программе олимпиад — марафонский бег. Дистанция его — 42 километра 195 метров — равняется расстоянию от Афин до местечка Марафон, где когда-то десять тысяч греков одержали победу над стотысячным войском персидских захватчиков.

В 1896 году, словно закрепляя славу своих предков — героев Марафона, труднейшее состязание выиграл грек Спиридон Луис. Именно этот олимпионик финишировал в эстафете, пронесшей огонь от Олимпии до Афин.

ПОБЕДИТЕЛЬ, НЕ УВЕНЧАННЫЙ ЛАВРАМИ

Едва ли не самым драматичным из всех олимпийских финишей стал финиш марафонского бега на четвертой олимпиаде в Лондоне в 1908 году. Весь бег

вел жилистый маленький бегун в белой шапочке с нагрудным номером «19» — итальянец Дорандо. Он с редким упорством пробиравался к финишу. И вот победа близка. Дорандо выбегает на дорожку стадиона. Остальные бегуны далеко. До финиша остается какая-нибудь сотня метров...

Спиридон Луис

Но тут силы покидают Дорандо. Он слишком энергично начал дистанцию, слишком много сил израсходовал на борьбу с соперниками... Дорандо уже не бежит, а идет. Вот он делает еще несколько шагов вперед и протягивая руки к финишной ленточке, падает...

Дорандо делает нечеловеческие усилия, чтобы подняться. Несмолкаемыми криками зрители побуждают его встать. Особенно горячатся болельщики-итальянцы.

Но, несмотря на это, Дорандо не может подняться. Тогда двое судей, в пылу спортивного азарта, кидаются к Дорандо, помогают сделать отделявшие его от финиша последние метры и... лишают его этим званием олимпийского чемпиона, так как по строгим спортивным правилам бегун обязан пройти всю дистанцию, не прибегая к посторонней помощи. Победителем признают бегуна, пришедшего вторым.

КРЫЛАТЫЙ ФИНН

Пятая олимпиада состоялась в 1912 году в Стокгольме. Небольшее вероятным победителем финального бега на 5000 метров зрители считали рекордсмена мира французца Жана Буена. Плотный и сильный, он уверенно повел бег и быстро ушел от остальных своих соперников. Только один бегун пристроился за спиной лидера.

Проходил круг за кругом, а неизвестный бегун не отставал ни на шаг от рекордсмена мира. На трибунах зашумели — завязывалась острая и волнующая борьба. Из программы узнали, что за Буеном идет финн Ханнес Колекхмайнен.

Имя это никому ничего не говорило, но теперь уже за себя говорил сам бегун, шелший удивительно легко. За два круга до финиша легконогий белокурый бегун сделал резкий рывок и вышел вперед. Чемпион мира в свою очередь обошел Колекхмайнена. Так началась борьба, которую шестьдесят тысяч зрителей

Трагический финиш Дорандо

запомнили на долгие годы. На последнем круге противники опережали друг друга несколько раз. Это был «титанический финиш», как писали на другой день шведские газеты. Последнюю прямую бегуны шли нога в ногу, и первым на финише коснулся ленточки Колахмайнен.

Ханнес Колахмайнен выиграл марафонский бег и на следующей олимпиаде. С этого времени финны на много лет захватили первенство на длинные дистанции и неизменно увозили домой золотые медали. Но лучшим из лучших несомненно был Пааво Нурми, царивший на беговой дорожке в течение трех олимпиад: в 1920 году — в Антверпене, в 1924 году — в Париже и 1928 году — в Амстердаме.

Венцом олимпийского триумфа Нурми был кросс на десять километров, разыгранный в небывало тяжелых условиях. Стоял изнуряющий зной. Многих бегунов свалил на дистанции солнечный удар. Из сорока лучших в мире бегунов, стартовавших на дистанцию, до финиша добрались только одиннадцать. В таких тягчайших условиях Нурми одерживает свою труднейшую победу.

Нурми называли то железным финном, то крылатым финном. Прославленный своими бесчисленными победами, он стал у себя на родине национальным героем. Когда перед началом XV олимпиады в Хельсинки в 1952 году на стадионе появился бегун, несущий в руках факел с олимпийским огнем, который по традиции пришел эстафетой из Олимпии, в этом приземистом и немолодом бегуне многие узнали прославленного некогда Пааво Нурми.

ЧЕМПИОНЫ ЧЕМПИОНОВ

Спортсменом экстра-класса стал и негр Джесс Оуэнс. На берлинской олимпиаде в 1936 году он, выступая в команде США, первым приходил к финишу столько раз, сколько стартовал.

Сколько же раз Оуэнс стартовал на олимпиаде? А вот подсчитайте. Он участвовал в беге на 100 и на 200 метров: в забегах, четверть-финалах, полуфиналах и финалах, — то-есть, на двух дистанциях стартовал восемь раз. Оуэнс бежал еще в эстафете 4 × 100 метров и в ней тоже стартовал три раза. Итого одиннадцать олимпийских стартов, каждый раз — финишная ленточка именно на его груди, и в результате — три олимпийских золотых медали. Четвертую золотую медаль Оуэнс завоевал за прыжки в длину с разбега.

Суэнс не только выигрывал все номера, в которых участвовал, но показывал при этом необыкновенно высокие результаты. Так, двести метров он прошел за 20,7 секунды, а на 100 метров установил даже мировой рекорд — 10,2 секунды, который был побит только через двадцать лет, нынешним летом, и то на одну десятую секунды.

Новым бегуном экстра-класса стал Эмиль Затопек — бегун на длинные дистанции.

На олимпиаде 1948 года в Лондоне он выиграл бег на 10 000 метров. Всю мощь своего спортивного таланта Затопек выказал спустя четыре года на пятнадцатой олимпиаде в Хельсинки. Здесь Затопек, подобно Оуэнсу, выиграл все дистанции, в которых стартовал, изумляя зрителей

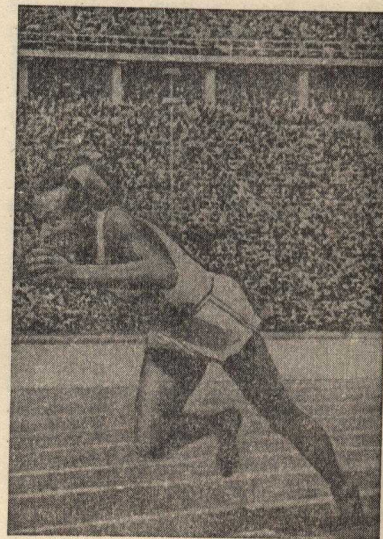
своей неиссякаемой энергией и неутомимостью. Так, после выигрыва с олимпийскими рекордами пятикилометровой и десятикилометровой дистанций, Затопек стартовал в марафонском беге и также выиграл его новым олимпийским рекордом.

Нурми, Оуэнс, Затопек — выдающиеся атлеты, чемпионы чемпионов. Однако советский гимнаст Виктор Чукарин показал наивысшие достижения среди олимпийцев. Он привез с олимпиады 1952 года шесть олимпийских медалей — четыре золотых и две серебряных!

ЛУЧШИЙ ИЗ РЕКОРДОВ

В древней Элладке на время олимпийских игр объявлялось священное перемирие. Войны прекращались, звон оружия умолкал. Так издавна олимпийские игры были символом мира и дружбы.

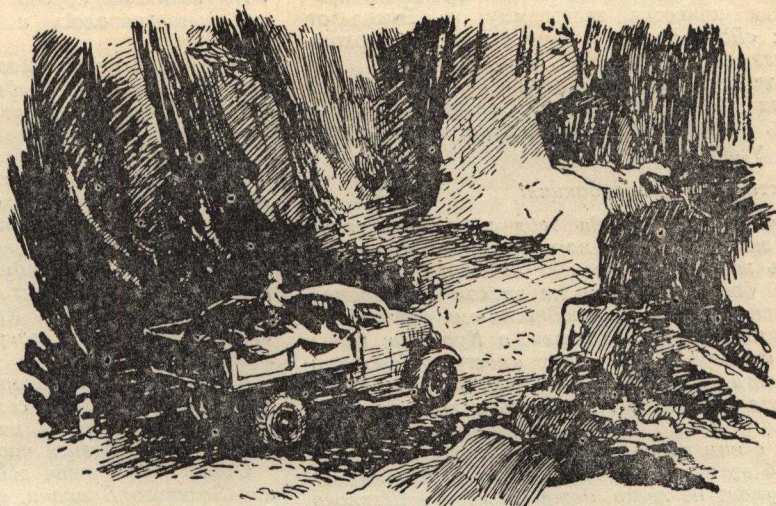
Отличный символ! Добрые идеи положены в основу олимпийских игр. Наши спортсмены на пятнадцатой олимпиаде в Хельсинки провели двадцать две дружеские встречи с представителями команд США, Франции, Англии, стран Ближнего и Среднего Востока. Скандинавии. Это своего рода рекорд и, может быть, самый ценный из всех рекордов олимпиады.

Старт Джесса Оуэнса

Выходя сейчас на беговую дорожку, на зеленое поле олимпийского стадиона в Мельбурне, спортсмены думают о главном — о дружбе, о мире во всем мире!

Загадка Рудника Зеленого Дракона

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Поиски легендарного рудника начались.

Связь с редакцией прервалась. На правильном ли пути экспедиция?

Телеграфируйте, радируйте, любыми способами сообщите подробности несчастья в Эмске.

Последняя телеграмма Африкана (смотри «Костёр» № 3) повергла редакцию в крайнее смутнение. Кто выкрал документ? Как попал Курочкин в больницу? Зачем охранять кладбище?

На эти и многие другие вопросы сотрудники редакции не находили ответа.

Между тем каждый день в редакцию приносят кипы писем. Их авторы высказывают оригинальные, а порой и противоречивые суждения о богатствах рудника.

Приводим несколько писем, в них излагаются самые различные мнения.

Два друга — ленинградские школьники Валерий Дубинский и Борис Файн пишут:

«Огнеу...» начало слова огнеупорный. В Руднике Зеленого Дракона добывается огнеупорный красный минерал. А слово «Он — Фан» — это имя проводника из местных жителей. И никакого действующего вулкана нет».

Саша Иванов из 5-го класса 355 школы высказывает такую интересную догадку:

«Огнеу... — это, повидимому, не кирпич, а огнеупорные камешки с примесью охры. «Он — Фан» название горы. И она, по-моему, не вулкан, а так, что-то вроде гейзера с дымом. Арабы ошибались, по-моему. Арабы думали, что гора — вулкан».

Школьники из Черемхова призывают использовать уголь. Они пишут:

«Мы прочитали в «Костре», что в горах Тянь-Шаня уже много тысячелетий горят пласты каменного угля. В древности люди были бессильны погасить такой пожар. Но в наше время ученые наверняка знают, как унять бушующее под землей пламя».

Надо спасти уцелевший уголь. Ведь каменный уголь — черное золото. Сколько полезных вещей можно получить из одной его тонны! Если узнать причину подземного пожара, то можно найти способ погасить его.

А может быть, не нужно гасить? Просто накачивать воздух в одну скважину, чтобы поддержать горение, а из другой по трубам выводить горячие газы и получать разные ценные вещества. Газы понадобятся и для отопления домов и для нагревания паровых котлов на электростанциях.

Нужно поставить Кан-Таг на службу человеку.

С большим приветом!

Ученики 6-а класса Олег Акимов, Варя Бобрикова... (всего двенадцать девять подписей)

Пришло письмо и от Кирилла Петухова — того студента, что вместе с геологом совершил восхождение на Кан-Таг.

Вот его письмо:

12 августа 1956 года

Ялта.

Привет!

Отдыхаю в Крыму. Нуждуюсь в поправке после попыток сдать экзамен по минералогии профессору Григоровскому. Полагаю, что уголь горы Кан-Таг загорелся от удара молнии. Молния воспламенила глубокий пласт. Это было пять тысяч лет назад. Факты? Пока не собрал. Это плохо? Знаю, но я занят мыслями о подземном пожаре. Вспоминаю, как возвращаясь с вершины Кан-Тага, мы с геологом Озерным сгибались под тяжестью подстреленных мною кекликов. Часть их, к сожалению, пришлось бросить по дороге.

Пока!

Кирилл Петухов, студент, участник экспедиции на Кан-Таг.

Беспокойство редакции достигло наивысшего предела, когда принесли телеграмму из Эмса от 8 августа: «Ваня улетел срочно выпишите широкого холста выезжаю Захматабад Андрей».

Внизу телеграммы была приписка. «Проверено: «Шерлокова холста» телеграфист Синицина».

Наконец, пришло письмо от Андрея, и оно внесло некоторое успокоение.

15 августа. Дорогая редакция!

Нет ничего хуже, когда тебя провожает толпа родных и знакомых. Все сморкаются, как при гриппе, а чуть зажевал — норовят чмокнуть в щеку.

Здорово досталось Ване на эмском аэродроме... Девочки нашего класса преподнесли ему букет. Родственники плакали и причитали, а Курочкин бежал вокруг и фотографировал всех вместе и каждого в отдельности. Бедный Курочкин! Он так хотел ехать вместе с Ваней в Тянь-Шань, а попал в больницу.

Все, что с ним произошло, очень загадочно, но он напишет об этом сам, когда поправится. Думаю, что найти документ не легко, даже по методу Шерлока Холмса.

Лично я на другой день вылетел с эмского аэродрома без всяких проводов — тайком удрал из дому.

Без особых приключений долетел до Ташкента. Отсюда попутной машиной двинулся на Захматабад по Ферганской долине среди хлопковых полей и виноградников. На горизонте белели снега далеких гор. Я сидел на пустой плетеной корзине из-под винограда. Мелькали бесконечные глиняные заборы-бувалы, арыки с желтой, похожей на кофе, водой, кишлаки, где за зеленой садов почти не видно сложенных из глины плосковерхих домиков. Мимо неторопливо проходили кааваны навьюченных тюками хлопка верблюдов. То и дело мы обгоняли серых осликов.

Под вечер переправились через мутную, желтую Сыр-Дарью и вехали в холмистые предгорья Туркестанского хребта.

Потом, уже ночью, сквозь дремоту, я слышал, как нутужно гудел мотор. Свет фар выхватывал из тем-

ноты извилины дороги, забубрины скал. Над головой поворачивалось и кружилось усыпанное звездами небо.

Проснулся утром. Машина стояла под серой скалой у родники. Впереди за поворотом виднелась широкая, чуть задернутая розоватым туманом, зеленая долина Зеравшана.

В Захматабаде, на базе экспедиции, меня торжественно встретил Сафар, высокий, худой старик с горбатым носом и узкой седой бородой. Приветствуя меня как юного открывателя тайн и искателя истин, он сказал глуховатым гортанным голосом:

— Пусть к тебе будут благосклонны солнце Зеравшана и ветры Чимтарки. Считай себя хозяином этого дома и сада. Кушай столько винограда и груш, сколько не повредит твоему драгоценному животу.

Я поблагодарил Сафара Курбановича и узнал, что экспедиция отбыла к священным берегам Голубого Искандер-Куля вчера на рассвете. Мы отправимся завтра с оставшейся частью груза.

Сафар Курбанович заверил, что мы найдем Рудник Зеленого Дракона, если не будем торопиться.

— Когда соединят свои усилия ученые Искандер, Шоды (сын истребителя барсов), — сказал Сафар, — мой правнук Али, профессор из Ленинграда — был, как его называют, ты со своим юным другом Ваней, старый Сафар и еще многие, — никакие тайны не устоят перед нами...

...Кончаю это письмо вечером. Солнце уже скрылось за скалистыми отрогом Туркестанского хребта. Ветер доносит горьковатый запах кизячного дыма и свежего сена.

До скорой встречи в новом письме.

Андрей.

Письмо Андрея несколько успокоило редакцию. Курочкин жив, экспедиция работает. Полученное интересное письмо от Сафара Курбановича, к сожалению, также не раскрыло тайны исчезновения документа. Почтенный хлопковод рассказал старинную легенду о том, как... Впрочем, вот эта легенда.

Сокровища Зеленого Дракона

Много лет назад в селении среди скал над пенистой Искандер-Дарьей жил бедный молодой охотник Омар. Он имел только лук и стрелы да верного охотничьего пса Барса.

Однажды у родника Омар повстречал дочь богача Гасана, красавицу Лолу. Девушка так приглянулась молодому охотнику, что он решил просить ее руки у Гасана.

— У нашего хана больше воинов, чем у тебя стрел, Омар, — ответил Гасан. — У него нашелся бы и крепкий волосяной аркан, чтобы удавить дерзкого, но я добр. Отыщи мне сокровища Зеленого Дракона и принеси за дочь кусок золота с твою голову.

Сотни лет искали люди эти сокровища. Иные погибали в глубоких пещерах и трещинах, иные возвращались седые, дряхлые, но сокровищ не видели. Знали об этом и Гасан, и Омар.

И все же молодой охотник взял лук и колчан со стрелами, крикнул Барса и ушел вверх по долине к голубому озеру Искандер-Куль. Текли дни за днями. Поспел урожай. Черными ягодами покрылись тutowые деревья, а молодой охотник не возвращался. Напрасно ждали его друзья и печальная Лола.

Осенью холодные туманы повисли над долиной Искандер-Дарьи. Ветер рвал ветки деревьев. Ночью Гасану казалось, что злые духи гор несутся вместе с ветром над крышами кишлака. А что, если кто-нибудь из них ворвется в кибитку?

Однажды в темной кибитке он различил чью-то фигуру с белой, как иней, бородой.

— Велик Аллах, — прохрипел Гасан, — ты человек или дух?

— Я — Омар, — прозвучало в ответ. — Я принес тебе проклятое золото. Бери его и дай мне Лолу.

Омар бросил на ковер тяжелый мешок. Гасан видел: молодой охотник стал подобен столетнему старцу, его глаза глубоко западали.

— Завтра приду к тебе за дочерью, Гасан, — сказал Омар и, приподняв козер над дверью кибитки, исчез в темноте.

На другой день он не пришел за Лолой. В темном углу своей кибитки на старых бараньих шкурах охотник метался в бреду.

Вечером к Омару явился Гасан. В кибитке у очага сидела на корточках самая бедная старуха кишлака и дула на тлеющие угли.

Она варила целебную траву для Омара.
— Оставь нас одних, — сказал Гасан.
— Омар не услышит тебя, — возразила старуха, — его дух блуждает по подземельям Зеленого Дракона.

Омар стонал и метался на своем ложе. Он бормотал что-то о золоте, пещерах, полных драгоценностей, горах костей и черепов...

— Мне не нужно... Это Гасан... Горящие глаза Зеленого Дракона преследуют нас... Мои стрелы бессильны... — твердил Омар.

Гасан осторожно вышел из кибитки. Злые мысли терзали его. «Найти сокровища Зеленого Дракона и принести так мало...» — думал богач. — «Омар умрет, и мне ничего больше не достанется...»

Но Омар не умер. Травы старухи вернули ему рассудок и жизнь. И никто не знает, хитрые ли слова Гасана или черные глаза красавицы Лолы сделали так, что весной Омар снова отправился в путь за сокровищами Зеленого Дракона.

Ранним утром ушел он с Барсом из родного кишлака. С тех пор минуло много дней. Не раз нарождалась на небе новая луна. Омар не вернулся. Чабаны видели, как подземная река,

вытекавшая из скал Сары-Таша, вынесла на берег тело Барса. Шкура его была изодрана в клочья зубами каких-то неведомых животных, а в глазу торчал обломок стрелы. Как попал Барс в воды подземной реки? Что случилось с Омаром в скалистых недрах Сары-Таша?

Слух, что смелый охотник видел сокровища Зеленого Дракона, дошел до ушей хана. И вот Гасан с петлей на шее, трясая от страха, предстал перед разгневанным ханом.

— Омар погиб, — сказал хан. — Ты с тремя помощниками пойдешь за сокровищами. Вы принесете мне столько золота, сколько сможете унести. Не вздумай изменить мне, судьба твоей дочери в моих руках.

И он повелел красавице Лоле оставаться в ханском гареме.

Гасан и трое слуг хана отправились к пещерам Сары-Деволы навстречу своей судьбе.

А осенью воды Искандер-Дарьи принесли труп человека. Может быть, это был труп Гасана, может быть, одного из его спутников.

Бурной ночью река унесла страшные останки и в кишлаке вскоре забыли о храбром, но безрассудном Омаре, жадном корыстолюбивом Гасане и о красавице Лоле...

Сафар в заключение пишет, что в дни его молодости рисунок Зеленого Дракона, грубо сделанный зеленой краской, удавалось рассмотреть на потолке одной пещеры Сары-Деволы. Сафар видел этот рисунок много лет назад. Однако коридоров, ведущих из пещеры в глубину, он не нашел. Может быть, они были завалены при землетрясении?

Значит ли всё это, что Рудник Зеленого Дракона следует искать именно в ущельях Сары-Деволы, а не в долине Искандер-Дарьи, или не в окрестностях Кан-Тага. Об этом Сафар молчал...

Наконец-то! Пришло долгожданное письмо от Курочкина. Но увы! И оно не внесло ясности.

Эмск. 13 августа.

Все кончено! Прощайте, берега Искандер-Куля, — я в Эмской больнице. Ни скал, ни пещер — градусник и лекарства. Документ исчез накануне полной луны!

Я был тысячу раз прав! Вот они, проски тех, кто не хочет, чтобы рудник был снова открыт, кто погубил неизвестного геолога и украл часть его коллекции! Я предупреждал милицию — не послушали!.. Доктор говорит, мне нельзя волноваться. Попробую успокоиться и рассказать все по порядку.

Ваню проводили в среду вечером. Бабушка Андрея поджарила лепешки. Мы ели их с маслом и медом. Андрей хотел угостить лепешками милиционера, охранявшего баню в саду, где спрятали документ. Бежим к бане. Замок на дверях цел, печать на месте, милиционера нет! Андрей

кинулся в милицию. Я открыл баню, вытащил из-за трубы ящик, раскрыл его и — о радость! — документ здесь. Я схватил его, будучи страшно взволнован, жирными от лепешек пальцами — и в столовую. Тут Андрей и кричит:

— Дежурный ругается! Никакой охраны больше не даст!

Решаем по очереди охранять документ до утра. Андрей лег спать. Я остался в столовой. Было душно, несмотря на раскрытые окна. Отдаленно гремел гром. Чтобы не заснуть на посту, я вертел в руках документ. И вдруг, в том месте, где от моего пальца осталось жирное пятно, проступили какие-то буквы. Я стал тереть документ — еще и еще появляются!

В полумраке комнаты не прочитать слова. Я кинулся на кухню за спичками. Сдышу, что-то рухнуло! Я в столовую. Темно. Шарю руками, — под пальцами черепки, документа нет. Вдруг — молния! При ослепительной вспышке вижу по крыше соседнего дома ползет на четвереньках неизвестный человек. Я закричал, схватил что попало под руку — то был зонтик бабушки и — в окно. Забыл, что столовая на втором этаже и очнулся лишь на другое утро в больнице.

Ни скал, ни пещер. Лекарства и градусник. Документ как в воду канул. Милиция с ног сбилась, а я лежу в гипсе. Просил прислать из Ленинграда третий том Шерлока Холмса, в нем описан подобный случай. Жду, а посылки все нет.

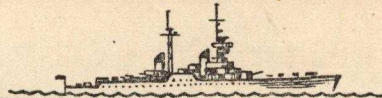
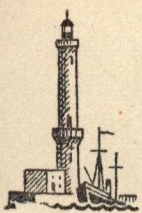
Остаюсь (в больнице)

Ваш корреспондент Курочкин.

В последнюю минуту

МОЛНИЯ ИЗ ЭМСКА 27/401. 12.25. 14.30 ДОКУМЕНТ НАЙДЕН И ПОЛНОСТЬЮ РАСШИФРОВАН ТЧК НЕМЕДЛЕННО ЗАДЕРЖИТЕ ВЫЕЗД ЭКСПЕДИЦИИ ТЧК КУРОЧКИН

В редакции «Костра» решили, что у Курочкина очередной приступ лихорадки с высокой температурой.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

ПРИЛОЖЕНИЕ
К
ЖУРНАЛУ
„КОСТЕР“
№ 5

раскаты. Это советский флот пробивался через артиллерийский огонь белофинских батарей.

— Пройдут ли? — с тревогой думали люди на маячной башне, коченея на ветру.

В середине ночи с башни, наконец, увидели далекий мерцающий огонек. За ним показался еще один. Это ледоколы

„Ледовый поход“

Зима 1918 года выдалась на Балтике суровая. Финский залив сковало льдом. Свирепые штормы взламывали неподвижный лед. Ветер гнал льдины, сталкивая их и нагромождая друг на друга.

Не видно было кораблей, погасли огни маяков. Зимой, когда корабли стоят в гаванях, огни маяков не нужны.

Снежные хлопья непроглядной пеленой закрывали Кронштадт. Над ледяным полем тенью высилась башня Толбухина маяка.

В одной из комнат, возле маленькой железной печки сидели два маячных служителя, отставных балтийских матроса. Разговор шел о революции, о разрухе в стране, об очередях за хлебом в холодном Питере.

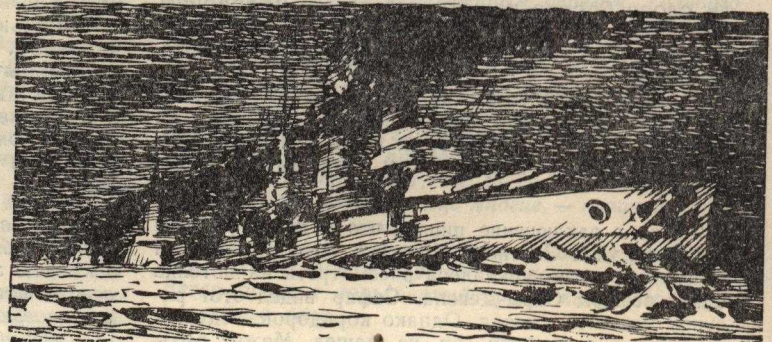
Словно по молчаливому уговору не вспоминали лишь о бочке керосина. В ней был „НЗ“ — неприкосновенный запас, предназначенный для самого крайнего, самого важного и непредвиденного случая. Кто знает, когда придет этот случай? Может быть, сегодня, а может быть, никогда.

Ночь — это рабочий день маячника. За много лет службы на маяке служители привыкли спать днем, а ночь проводить в дежурстве у фонаря. Зимой фонарь не зажигался, но по привычке хотелось посидеть у огонька.

Вдруг в дверь громко постучали и чей-то звонкий голос крикнул:

— Живы там, старики?

Ночной гость оказался высоким широкоплечим матросом.

Он вошел в дом и подал старшему маячнику бумагу: приказ начальника морских сил Балтийского флота.

— Кому зимой маяк понадобился? — спросил маячник, разглядывая бумагу.

— Флот идет, — ответил матрос, растирая над печкой замерзшие руки.

Маячник улыбнулся:

— Ты, матрос, что-то путаешь. Лед кругом, а ты говоришь о флоте...

— Вы мне про лед не рассказывайте, я и сам знаю, какие горы в заливе наворочало. Пока от Кронштадта до вас добирался, думал пропаду... А флот поведут из Гельсингфорса, — продолжал матрос, присев у печки. — Не годится нам больше эта база. Немцы и белофинны собираются захватить корабли да и на Питер поглядывают... В Кронштадт придется пробиваться кораблям через лед.

Всю ночь дежурили люди на башне, но кораблей не было. Весь день искали они на горизонте дымки, а видели только бескрайние ледяные поля.

На следующую ночь слышались далекие орудийные

„Ермак“ и „Силач“ вели за собой караван.

Медленно двигались корабли по ледяным полям, сквозь вьюги и туманы. Кончался запас продовольствия и топлива. Днем и ночью откачивали воду, просачивавшуюся в корабельные отсеки, топорами срубали гигантские наросты льда с мачт, надстроек, палубы.

Когда топливо на каком-нибудь корабле кончалось, другие брали его на буксир. Бесконечное число раз стальные тросы рвались, и их приходилось вновь связывать.

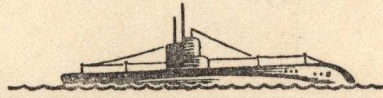
Линкоры и крейсеры, миноносцы и ледоколы — всего двести одиннадцать кораблей благополучно совершили этот легендарный „ледовый поход“ и пришли в Кронштадт.

Суровой зимней ночью огонь Толбухина маяка помог кораблям дойти до родных берегов.

И когда на башне догорал керосин из „неприкосновенного запаса“, последний корабль каравана приближался к Кронштадту.

Моряки-балтийцы спасли флот, который встал на защиту молодой Республики советов.

М. Мамедов

Удивительный помощник

В Ленинграде отовсюду виднеются верфи. Они в западной, морской, части города. Там на дымном небе как бы нарисована пером тончайшая паутина. Если всмотреться, из паутины

ство купило его. В разобранном виде кран отправили по морю: башня и стрелы — в барже, понтон — своим ходом. Но караван был застигнут в пути войной. Фашистские летчики потопили баржу; понтон же, всячески исхитряясь, сумел ускользнуть от врага и догреб до Ленинграда. Но что пользы от железного ящика, даже если он ростом с дом? Корабельщики затолкали его на задворки завода.

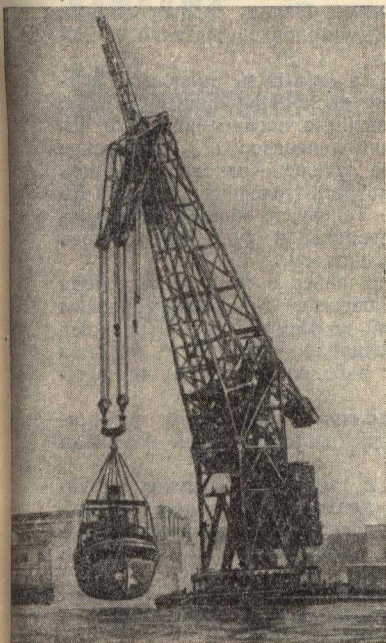
Начались тяжелые дни блокады. От вражеского обстрела и бомбежек город был в пламени пожаров. Рушились цеха, а затем из-за отсутствия топлива и энергии начали останавливаться многие заводы... Но Балтийскому никак нельзя было прекращать работу — здесь чинились, выходя из боя, чтобы сейчас же вновь идти в бой, военные корабли. Тут и вспомнил кто-то о заброшенном понтоне: «Да ведь там, товарищи, в утробе у него — электрическая станция. Три тысячи киловатт — силища! Поворачивала когда-то кран — а теперь весь завод обслуживит!» И понтон исправно подавал энергию заводу всю блокаду.

Кончилась война. Корабельщики захотели восстановить кран. Но как — вслепую, без чертежей? Кран сложнейший, один из величайших в мире... Оставалось одно: прежде чем

кран строить, надо его заново изобрести!

Не сразу удалось решить эту задачу. Но советские инженеры и конструкторы, взявшись за дело, уже не отступают.

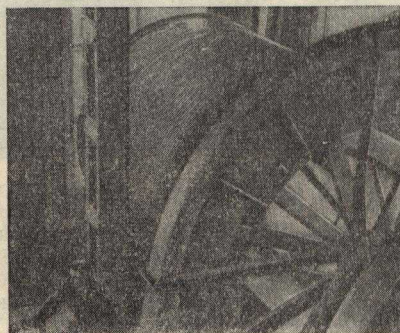
Вот он, кран. Высшие точки в Ленинграде — Адмиралтейская игла, Исаакиевский собор и шпиль Петропавловской крепости. Кран № 1 вздымается выше Адмиралтейства, выше

выступит буква „Т“ со сдвиной на сторону полкой. И еще буква „Т“, и еще... целая строчка. А дальше — будто полупрозрачное, дерево с голыми ветвями; высоченная тощая птица, склонив голову, шевелит клювом... Всё это подъемные краны; без них не построить корабль. Часть кранов действует на берегу, передвигаясь по рельсам; другая часть на поплавах — эти передвигаются по воде. Поплавки представляют собой огромные металлические ящики; называют их понтонами.

И вот недавно на Неве ленинградцы увидели гигантский кран, каких немного в мире. Грузоподъемность его 350 тонн. На кабине надпись: „Кран № 1 Балтийского судостроительного завода имени Орджоникидзе“. Интересна его история.

Когда-то кран был построен в Германии. Наше правитель-

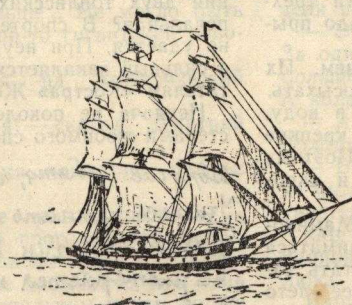
Исаакия и только чуть ниже Петропавловки: высота крана 114 метров!

А канозы в нем машины — можете судить по лебедне с тросом. Вон рядом человек...

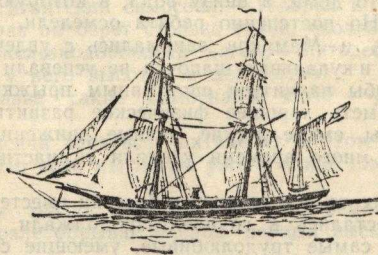
Корабельщики Ленинграда влюблены в этот кран. Каждая верфь зазывает его к себе хоть на денек, на два.

Важнейший

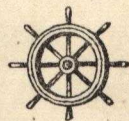
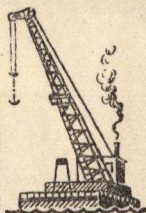
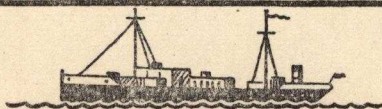
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ (КОСТЕР № 2).

Иван Александрович Гончаров в 1852 году отправился в кругосветное плавание на парусном корабле, фрегате. По имени корабля названа книга „Фрегат Паллада“.

Константин Михайлович Станюкович в 1860 году ходил в кругосветное плавание на этом корвете. Спустя много лет он напечатал о путешествии книгу — „Вокруг света на „Коршуне““.

ЖОРИК И МАМИКОН

Познакомьтесь! Слева — Жорик, справа — Мамикон, пионеры из Тбилиси, к тому же неразлучные друзья-товарищи. Вы догадываетесь, что снимок сделан в Кремле, у самой Царь-пушки? Как же и зачем ребята приехали в Москву?

...Два года назад в Тбилиси был построен большой плавательный бассейн. Первые посетители еще до открытия попали сюда — перелезли через забор.

— Я окликнул ребят, проникших к нам таким образом, — рассказывает тренер Владимир Григорьевич Инцкервели. — Но они побежали к забору и остановились только на почтительном расстоянии. Переговоры пришлось вести во весь голос, до тех пор, пока один смельчак не решился подойти ко мне. Это был Мамикон. Я спросил: «Хотите получить пропуск и ходить через главный вход?» «Конечно!» Я назначил день, и ровно в назначенное время Мамикон привел свою компанию. Так начала свою жизнь первая в Тбилиси детская группа прыгунов в воду...

Очень страшно первый раз залезть на площадку десятиметровой вышки. Все-таки, это высота трехэтажного дома, а внизу вода, в которую надо прыгать... Но постепенно ребята осмелели.

Жора и Мамикон занимались с увлечением. Их плавки и купальные шапочки не успевали просыхать. Но чтобы научиться спортивным прыжкам в воду, надо иметь хорошее физическое развитие, крепкие мускулы, емкие легкие, точные движения. Поэтому ребята много времени уделяли гимнастике и акробатике.

Не все те, кто пришел в бассейн вместе с Мамикон, остались в группе. Продолжали заниматься только самые трудолюбивые, умеющие сочетать занятия в школе со спортом. И на следующее лето пришла награда. Общество «Красное знамя» направило лучших на юношеские всесоюзные соревнования в Одессу.

В Одессе пионеры Жорик и Мамикон завоевали второй спортивный разряд взрослых. Обоим пригласили участвовать в праздновании Дня Военно-морского флота, и тысячи одесситов (среди них и военные моряки!) аплодировали мальчикам, когда те точно и красиво прыгали с десятиметровой вышки.

На обратном пути в Тбилиси Владимир Григорьевич говорил:

— Смотрите, теперь не задирать носа. Впереди самое трудное!

А самым трудным были прыжки с зыбкого, высоко подбрасывающего в воздух трамплина.

Снова пришлось многому учиться, а порой и переучиваться. Но мастерство росло, и осенью этого года «Красное знамя» послало друзей на соревнования в Москву.

У пионеров оказались сильные соперники. Большинство участников соревнований — юноши семнадцати-восемнадцати лет. Программа рассчитана на первый разряд всесоюзной классификации. Перед соревнованиями для пионеров был установлен жесткий тренировочный режим.

Мамикон нашел в себе силы полностью подчиниться суровому распорядку дня. А Жора... позволял себе невинные послабления. Его покорили московский телевизор и... московское мороженое. Самое лучшее — одновременно есть мороженое и смотреть телепередачи, но это удавалось редко. Телевизор находился в другом корпусе гостиницы и туда приходилось бегать часто под дождем...

Соревнования начались в семь часов вечера в лучшем столичном бассейне на Ленинградском шоссе. Перед разминкой ко мне торопливо подошел Мамикон. Он был взволнован. «Вы знаете, крупная неприятность: Жорик заболел. У него температура».

— Прыгуны с трамплина — пять минут разминки! — возвестил по радио информатор, и Мамикон сразу исчез.

Семь судей в белом с таблицами в руках оценивают прыжки. Каждое движение спортсмена фиксируется с неуклонной строгостью — и подход, и разбег, и положение тела в полете, и то, как пловец вошел в воду.

Мамикон прыгает гораздо хуже, чем на тренировках. Он не может сосредоточиться. Но все же это неплохо для второго разряда...

А Жорик в номере гостиницы, наверное, проклинает страсть к мороженому и усиленно полощет горло каким-то отвратительным лекарством. Утром у него температура снова нормальная. Но это уже утро после соревнований...

Такова печальная история московских выступлений двух тбилисских пионеров. Впрочем, только ли печальная? В спорте, как и в жизни, ничего сразу не удается. При неудаче слабый впадает в уныние, а сильный закаляется. Прочитайте, что написали читателям «Костра» Жора и Мамикон.

Неудача не поколебала их стремления стать мастерами любимого спорта.

Дорогие ребята, читатели "Костра"! Учиться прыгать с трамплина в воду Пловец-прыгун будет хорошим моряком и не растеряется перед трудностями. Это очень большое удовольствие красиво и хорошо с трамплина прыгать в воду.

участники III Всесоюзной спартакиады школьников

*Мамикон Бакиран
Жорик Назаров*

Клуб Смелых Изобретателей и Отважных Ребят

В ЦАРСТВЕ СТАЛЬНЫХ ГИГАНТОВ*

— Подлетаем! — сказал инженер.

Ребята не могли оторваться от экрана. Внизу растянулась тайга. День быстро сменялся ночью, и сначала на экране трудно было разобрать какие-либо подробности.

Но вот на земле замелькали одинокие огоньки. Всё больше огоньков, всё больше... Не могло быть сомнений: они летели над какой-то гигантской новостройкой.

Щелкнул прибор, похожий на электрический счетчик.

— С новым годом, друзья! — сказал Дмитрий Анатольевич.

На циферблате в это время появились цифры: «1959».

— Неужели мы летим уже целых три года? — удивился Коля. — А я еще не проголодался даже...

— Нет! Прошло только около часа, — ответил Дмитрий Анатольевич. — Но не забывайте, что один час полета «Мечты» равен нескольким годам жизни на земле... Сейчас я выключу прибор ускорения времени, и мы сможем спокойно разглядеть, что произойдет на земле в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году.

Он повернул рукоятку — и смена дня и ночи на экране прекратилась. Приборы показывали:

«11 часов 16 минут, 28 августа, 1959 года».

Теперь машина летела бреющим полетом.

— Ой! — закричал Коля, — смотрите, какой автомобиль... Рядом человек, маленький-маленький, меньше колеса.

С этой минуты Дмитрию Анатольевичу пришлось непрерывно отвечать на вопросы и рассказывать любознательным спутникам обо всем, что они видели перед собой.

— Это гигантский самосвал, — говорил инженер. — За один раз он берет столько груза, сколько самый большой железнодорожный вагон, — пятьдесят тонн. А колеса у него высотой в два метра!

— А разве такие самосвалы есть? — удивился Володя.

— В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году их не было. Но ведь мы летим уже в конце шестой пятилетки!..

«Мечта» мягко ткнулась в кучу земли, насыпанной возле обрыва. Щенок первый выскочил из люка.

Вдруг что-то огромное взметнулось над кучей, и, откусив громадный кусок берега, скрылось в овраге, унося вместе с землей храброго пса.

Все так и ахнули. Вздвигая на пригорок, путешественники замерли, пораженные необыкновенным зрелищем. Внизу, в котловане, кружился на месте гигант-экскаватор. Его ковш, вгрызаясь в землю, вынимал сразу невероятное количество грунта. Котлован был уже такой глубокий, что если бы на дне постронть десятиэтажный дом, путешественники оказались бы сейчас на уровне его крыши.

* См. «Костер» № 3 и 4.

— Э.Г.Л-50, — назвал машину инженер и пояснил: — электро-гусеничная лопата, ёмкость ковша — пятьдесят кубических метров.

Всюду простиралась стройка.

Здесь было настоящее царство машин-гигантов. Воздух был наполнен лязгом и грохотом. Но больше всего удивляло то, что нигде не было видно людей.

Первым опомнился Коля.

— А где же Фотошка? — спросил он.

Начали искать щенка.

— Вон он! Вон он! — закричал реактивщик, показывая рукой вдаль. Там, на противоположной стороне котлована смешно металась из стороны в сторону крошечная фигурка Фотографа, — экскаватор выбросил его вместе с грунтом.

— Фотошка, Фотошка! — хором закричали ребята и бросились бежать по краю обрыва.

Но вдруг на их пути возникла широкая самодвижущаяся дорога — транспортер. Она была вся залита породой, которую выбрали экскаваторы из котлована, и тянулась далеко-далеко.

Ребята уже хотели проскользнуть под транспортер, когда Дмитрий Анатольевич остановил их.

— Незачем бегать! Щенок сейчас вернется!

И правда — оглушенный Фотограф кинулся в сторону и кубарем скатился по обрыву, угодив прямо в ковш. А через минуту, вместе с грунтом он уже двигался на транспортере по направлению к ребятам. Инженер снял его с ленты и передал Коле. Щенок лизнул щеку своего хозяина и затих у него на руках.

— Вот что, Коля, — сказал Дмитрий Анатольевич, — отнеси-ка собаку в машину, да и сам побудь там. Мы сейчас тоже вернемся. Надо перегнать «Мечту» в более спокойное место.

Кивнув остальным ребятам, инженер пролез вместе с ними под транспортером и направился к белому домику, стоявшему невдалеке.

Домик был пуст, и пока Дмитрий Анатольевич с Виктором осматривали его, Володя заглянул во двор.

— Дмитрий Анатольевич, Дмитрий Анатольевич! — звал Володя.

Инженер поспешил во двор, но мальчика там не было. У стены лежал какой-то длинный, похожий на снаряд предмет. Сзади у него торчали, точно ножки фотографического штатива, четыре телескопические штанги-домкраты.

— Вова! — одновременно крикнули инженер и Виктор.

Ответа не последовало. Зато мотор «снаряда» вдруг взревел, и головка его с острым спиральным буром начала быстро вращаться. Пришли в движение и домкраты. Вот два из них повернулись и уперлись в землю. Машина стала торчком. Звякнул бур о подвернувшийся камень, и странная машина стала быстро зарываться в землю. Все это было так неожиданно, что не только Виктор, но даже и Дми-

трий Анатольевич, помимо своей воли, подался назад.

Снаряд уже наполовину погрузился в землю, когда изнутри забарабанили по обшивке чем-то железным и послышался приглушенный голос Володи:

— Дмитрий Анатольевич, вытащите меня! Я не знаю, как эта штука останавливается!..

Управление «Подземехода» находилось внутри, в кабине водителя, и помочь мальчику снаружи было трудно.

Между тем, подземная лодка погружалась все глубже и глубже.

Вот первый домкрат уперся в вырытую воронку, затем второй, третий и, вдавливая в стены туннеля выбуренную породу, машина, наконец, совсем скрылась под землей.

Инженер и Виктор растерянно посмотрели друг на друга.

Внезапно над их головами раздался предупреждающий голос:

— Внимание, внимание! говорит радиоузел строительной площадки три дробь четырнадцать. Через семь минут будет произведен первый взрыв береговых скал. Всем лицам, находящимся в зоне четырнадцать, уйти в убежище. Повторяю...

«Этого только не хватало! — Дмитрий Анатольевич схватился за голову: «Мечта» далеко — там Коля. Володя под землей. А сам он с Виктором находится тоже неизвестно где. Может быть, зона четырнадцать расположена именно здесь?»

— Виктор, скорее в дом!

Внимание инженера привлек небольшой зеленый ящик на стене дома. Быстрым движением он распахнул дверцы: «Так и есть! Радио-телефон!» Дмитрий Анатольевич включил питание, — в прижатой к уху трубке сначала послышался шорох, потом раздался прерывистые звуки, похожие на всхлипывание.

— Алло! Алло!

— Дмитрий Анатольевич! Дмитрий Анатольевич! — услышал он жалобный голос Володи. — Вытащите меня отсюда поскорей. Пожалуйста...

И тут инженер вспомнил, что еще в 1950 году он видел машину для «плаванья» под землей. Конечно, с тех пор подземеходы стали совершеннее, но принцип-то управления должен был оставаться прежним!

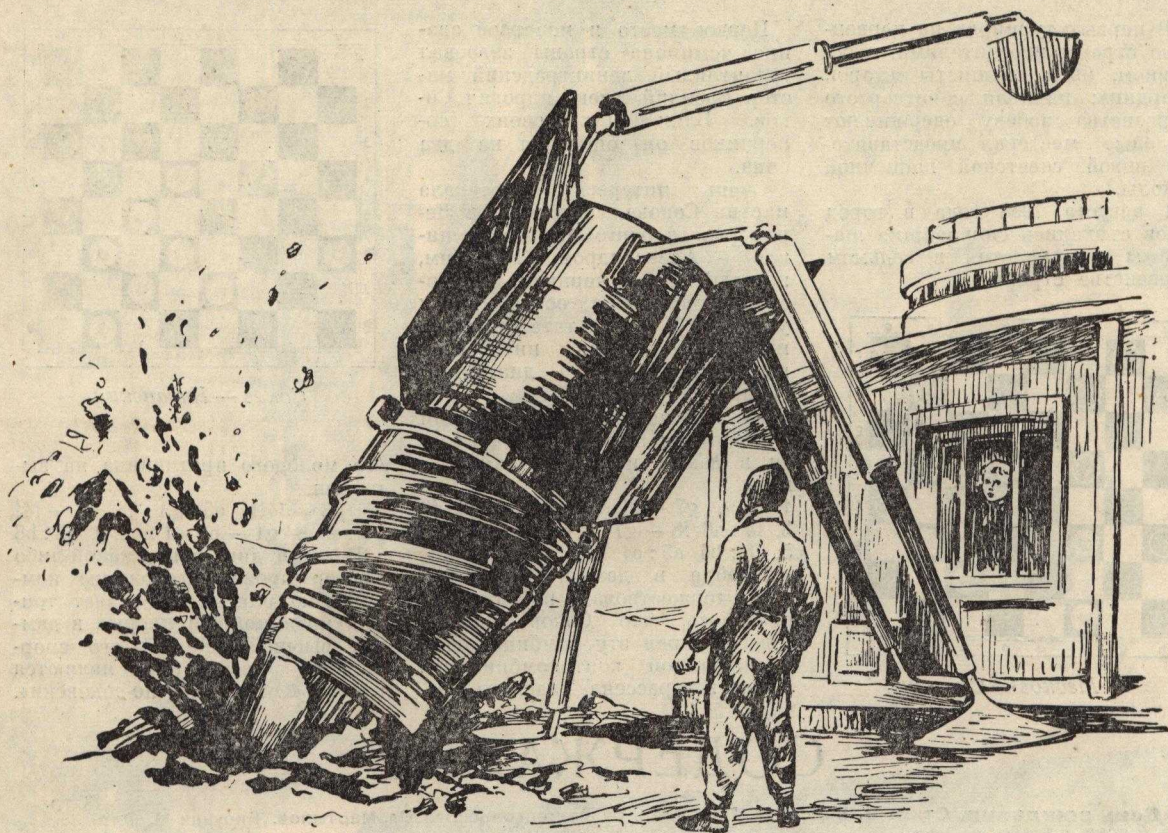
— Володя! Володя! — скомандовал Дмитрий Анатольевич в трубку, — постарайся вспомнить, как ты включил машину... Ну говори же, быстрее!

Пока мальчик сообщал подробности и описывал, как устроен пульт управления, картина для инженера стала ясной.

— Володя! — перебил он его рассказ, — возьми рычаг управления на себя до отказа и нажми кнопку с буквами «З. Х.» Это значит «задний ход»... понял?

— Понял, понял, Дмитрий Анатольевич!.. — в трубке сначала послышалось кряхтенье. Видимо, рычаг тяжело подавался. Но спустя несколько секунд Володя снова отозвался, однако, на сей раз уже весело:

— Есть! Я вылезая, я чувствую...

Упираясь всеми четырьмя домкратами, машина вывинчивалась из тоннеля. Она уже показалась на поверхности, когда раздался взрыв.

В то же самое мгновение на «Мечте» зашумели реактивные двигатели. Звуки эти нельзя было спу-

тать ни с какими другими. Серебристая машина взвилась в воздух.

— «Мечта»!.. — закричал не своим голосом инженер, бросаясь вдогонку.

Но все было кончено. «Мечта» с Колей и Фотографом исчезла в голубом небосводе.

(Продолжение следует.)

ШАШКИ

Отдел ведёт мастер спорта Б. Герцензон

НАДЕЖНАЯ СМЕНА

В 1924 году в газете «Правда» появилась коротенькая заметка, в которой сообщалось о предстоящем розыгрыше первого Всесоюзного шашечного первенства. И вот в Москву съехались участники этого соревнования. Среди них находились мастера, прославившие свое имя еще в дореволюционное время.

Первый приз и звание первого чемпиона СССР после 23-летнего господства С. А. Воронцова завоевал Василий Васильевич Медков. Лишь на пол-очка отстал от него занявший второе место москвич Н. А. Кукуев.

68-летний Воронцов остался на шестом месте.

Прошел год. И снова сильнейшие представители шашечного искусства съехались в Москву для участия во втором Всесоюзном чемпионате.

Победителем и чемпионом СССР вновь оказался В. Медков.

В одном из московских турниров В. Медков, в партии против П. Слѣзкина, провел блестящую комбинацию. (См. диаграмму на обороте.)

1. e5 — f6!!

Неожиданный удар!

1. g5: e7

(Сразу же проигрывает 1. . . . g7: e5 из-за 2. f4: b4 a3: c5 3. e3 — f4 g5: e3 4. f2: d8 с простым выигрышем). 2. e3 — d4! c5: g5 3. c3 — b4 a3: c5

Теперь белые подготовили нужную им позицию и заключительным ударом снимают с доски сразу пять шашек противника.

4. g3 — f4 g5: e3

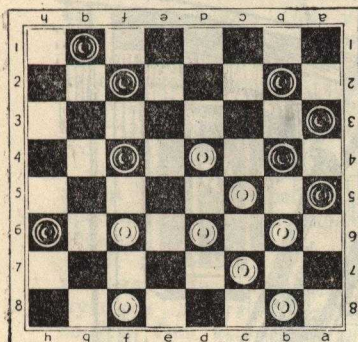
5. f2: h8

Черные сдались.

В этой партии полностью раскрылся комбинационный талант Медкова.

В первых турнирах на первенство страны победителями, в основном, были шахисты «старой гвардии»; начиная с четвертого первенства победу одерживают молодые мастера, представляющие новой советской шахматной школы.

1 августа 1938 года в город Киев съехались сильнейшие шахисты для участия в седьмом первенстве страны.

Медков — Слезкин

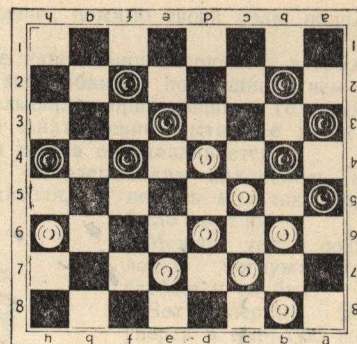
Первое место и почетное звание чемпиона страны завоевал талантливый ленинградский мастер Василий Александрович Соков. Ближайших своих соперников он опередил на два очка.

Очень интересно протекала партия Сокова, сыгранная в Ленинграде с одним из его учеников — Александром Казанским, который играл черными. Казанский защищался остроумно и упорно. В результате сложной игры получилась интересная позиция. (См. диаграмму справа).

В этом положении Казанский соблазнился возможностью пройти в дамки и провел комбинацию.

1. ... g7—f6 2. e5:g7 h6:f8 3. f4:h6 f8—g7 4. h6:f8 d6—e5 5. f8:b4 a5:e1

Пройдя в дамки, Казанский уже торжествовал победу. Но оказалось, что Соков заранее предусмотрел эту комбинацию и неожиданной контркомбинацией сразу же рассеял надежды сво-

Соков — Казанский

его молодого противника на выигрыш.

6. g3—f4!! e5:g3 7. e3—f4! g3:e5 8. g1—h2 e1:g3 9. h2:b8

В наши дни, когда какой-либо мастер проводит сложную комбинацию или осуществляет тонкий позиционный прорыв в дамки, высшей оценкой его спортивного мастерства являются слова: «Он играет по-соковски».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
День рождения. Стихи Ц. Бадмаева. Перевел с бурят-монгольского Вл. Мартынов. Рисунки М. Фирсова	1
Залп „Авроры“. А. Бельшев	2
Прогулка. Стихи Л. Квитко. Перевод Е. Благиной. Рисунок Н. Носкович	3
Фарфоровая ваза. (К рисунку В. Юсипенко на обложке)	4
Октябрьская ночь. Рассказ Б. Метлицкого. Рисунки Т. Ксенофонтова	5
Мой проводник. Рассказ А. Баужа. Рисунки П. Луганского	8
Наше богатство — хлеб. И. Вольпер. Фото Л. Бернштейна	11
Улица Воинова. Рассказ Б. Раевского. Рисунок Б. Праксеина	13
Братишка. Стихи В. Кузнецова. На вклейке рисунок А. Пахомова „Флаги в колхозе“	16
В Пушкинском интернате. Очерк А. Орлянского. Фото Т. Забкрицкого. На вклейке рисунки школьников	17
Ватага из Сан Лоренцо. Повесть М. Арджилли. Перевод с итальянского А. Горского и С. Полтавского. Рисунки Н. Петровой	18
Генерал коммуны. Д. Гранин	25
Места, которые нельзя забыть.	27
Великая история — в тарнах. Очерк М. Максимова	28
Пчела. Стихи Е. Фейербенда	28
Сколько может быть позиций?	29
Подвиг Володи Кудышева. Очерк П. Далецкого. На вклейке рисунок В. Сердюкова	30
Новая география чугуна. Очерк Е. Полякова. На вклейке рисунок В. Свешникова	33
У костерка. (Продолжение). В. Бианки. Рисунки В. Курдова	35
Олимпиадники. Очерк Ильи Бражнина	37
Загадка рудника Зеленого Дракона. (Продолжение). Рисунки В. Сердюкова	39
Морская газета. (выпуск № 5)	42
Жюри и Мамин. Очерк Л. Никольского	44
Клуб смелых изобретателей и отважных ребят. (Продолжение). А. Бразоль. Рисунки В. Гальбаи Н. Носкович	45
Шахи. Отдел ведет мастер спорта Б. Герцензон	47
На обложке рисунок В. Юсипенко „На Ломоносовском заводе“	
На 2 стр. обл. фото С. Иванова „Аврора“	
На 3 стр. обл. фото Д. Трахтенберга „Нахимовцы“	
На 4 стр. обл. „Фарфоровые статуэтки Ломоносовского завода“	

Редактор Н. Ф. Григорьев

Редакционная коллегия: В. М. Конашев, А. И. Пайтеев, Т. Н. Приставка, Г. М. Сосежкова, В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Е. Л. Шварц, Е. М. Шереметьева, Ю. А. Эшман

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. Г. Любичкая

Ответственный секретарь

Н. В. Терebinская

Технический редактор

А. А. Дворановская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. Ж 3-23-63, комм. Ж 3-72-11 и Ж 3-72-12.

М-42610. Подписано к печати 26/X 1956 г. Формат 84x108/16. Печ. л. 6+2 вкл. усл. 5,134, уч. изд. 6,6.

Тираж 100 000 экз.

Заказ 1446.

Цена 2 р. 50 к.

4-я типография им. Евг. Соколовой. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

2 р. 50 к.

Войков, 42
Мариненов

